

Фамильные ценности, или Возврату не подлежит

Автор:

Олег Рой

Фамильные ценности, или Возврату не подлежит

Олег Юрьевич Рой

Капризы и странности судьбы

Везет тем, кто родился в семье с богатой родословной. Счастливы, кто рос в доме, где есть добрые традиции, которые передаются от поколения к поколению. Особенно удачливы те, кто становится наследником фамильных ценностей. Бальке подфартило: он действительно родился с золотой ложкой во рту. Но чтобы стать во главе семьи, взять в свои руки опасный бизнес – производство и продажу ювелирных изделий, ему нужно стать наконец взрослым. Именно поэтому его бабушка написала такое завещание, по которому Бальке придется в корне изменить свою судьбу. Условия в нем парадоксальные, выполнить их может только избранный.

Олег Рой

Фамильные ценности, или Возврату не подлежит

Памяти моего сына Женечки

посвящается

© Резепкин О., 2016

Не подлежат возврату или обмену...

...Изделия из драгоценных металлов, с драгоценными камнями, из драгоценных металлов со вставками из полудрагоценных и синтетических камней, ограненные драгоценные камни.

(Перечень утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.01.1998 № 55 (ред. от 27.01.2009))

– Скоро все будет в шоколаде! – Лана гибко потянулась всем своим соблазнительно пышным телом, вздохнула мечтательно, скосила глаза – фу. Темное дерево старинного гардероба ни черта не отражало! Так, смутные тени какие-то. Вот сколько раз упрашивала хотя бы в спальне нормальную мебель поставить – да хоть бы итальянскую! Чтобы зеркала, а вокруг белое и золотое, как у каких-нибудь французских королей, Людовиков, что ли, все блестит, сверкает, искрится – красота! Не то что эта рухлядь унылая, как будто со свалки приволокли, ей-богу! Типа антиквариат! Раз антиквариат, ему место в музее, среди таких же унылых экспонатов – скукотень! А придурок ни в какую! Сам такой же нудный, как этот гардероб! То ли дело – Дэн! Как глянет – прямо фейерверк внутри зажигается! И бабочки, бабочки, бабочки порхают! А красавец какой! Ну, прямо как на журнальных картинках, честное слово!

Господи, какое счастье ей подвалило! А будет еще лучше, будет вообще все сказочно прекрасно! Это же совершенно ясно. Не то что эти туманные тени в глубине темного дерева. Наверное, все-таки не стоило дома свидания устраивать, мало ли что, середина дня... Ай, ладно! Придурок уверен, что купил Лану со всеми потрохами, что она на него только что не молится. Уж так уверен, так уверен – где ему о чем-то догадаться! И в голову не придет!

Дэн лениво закинул руку за голову, и от его движения шелковая простыня стремительно поехала куда-то вниз, на пол, открывая смуглую гладкую кожу, длинные мышцы, поджарый живот, и сыто, как опустошивший миску сливок кот, прищурился:

– Ты уверена?

Еще бы! Уж Лана лично потрудились над тем, чтобы все вышло как нужно. Если хочешь, чтобы что-то было сделано хорошо, сделай это сама.

Света ощущала триумф, который хотелось отпраздновать. Именно поэтому она и позвала Дэна прямо сюда, в свое гнездышко. Так хотелось рассказать Дэнчику о том, что дело с браслетом улажено и теперь все в шоколаде, или даже лучше – в бриллиантах... Но язычок все-таки прикусила. Ну как бы прикусила. Она, конечно, ничего бы от Дэна не скрыла. Но пока нельзя. Не потому, что не доверяет – ни в коем случае! Вы с ума, что ли, сошли, кому и верить-то, если не ему? Такая любовь раз в жизни случается, и то не у всех, только в кино показывают. Вон сколько раз он говорил, что хорошо бы свалить куда-нибудь подальше от всех насущных проблем – куда-нибудь в тихий уголок возле теплого моря. И Лана будет выходить из ласковых волн, озаренных лунным серебром, как богиня – нагая и прекрасная! Ну красиво же, действительно как в кино!

Но лучше пока ничего не говорить, чтоб не сглазить. А главное – Лана сейчас кто? Ну красивая, круче всякой телезвезды, ну любит Дэн ее – так что дух захватывает. Но...

Она нырнула в шелковое озеро постели, прижалась к длинному, гладкому, обжигающе прохладному телу... Богиня, надо же!

Но этого же мало!

Вот если все сложится, она ж прям реальная богиня будет! Ну или волшебница, например. Что-то в этом роде. Все очень просто, надо только немного подождать, потерпеть. В кино перед влюбленными всегда возникают какие-то ужасные препятствия – иначе какая ж это особенная любовь? А потом они вдвоем на палубе роскошной яхты пьют шампанское, и он тихо-тихо шепчет: «Ты – мое чудо, без тебя ничего этого бы не было, ты подарила мне целый мир!» А яхта плывет...

Может быть, она тогда и имя сменит? Или не стоит? Имя она себе придумала очень даже ничего. Лана. Почти как Лорен или Ванда. Да и без почти. А уж по

сравнению с той слащаво-пошлой банальностью, которой ее наградила оставшаяся где-то в далеком прошлом мамуля, так и вообще. Тем более она же будет не просто Лана, – она искоса взглянула на смуглый профиль на фоне подушки, – а Лана Май... Да, достаточно. Переезжая в цивилизованные страны, многие же «обрубают» свои фамилии. И Дэн наверняка так сделает. И будет она... Лана Май. Мр-р. Очень красиво.

Лана повернулась, чтобы разглядеть висящие над резным навершием гардероба часы – не пора ли им собираться – и не закончила движения...

Горло перехватило так, что нельзя было больше сделать ни одного вдоха. Или это сам воздух вдруг стал непригодным для дыхания? Стал холодным, колючим, как ледяная крошка, которая остается после прогрохотавшего по замерзшей луже грузовика. Острые осколки весело искрятся, переливаются, сверкают ярким, режущим, бриллиантовым блеском – но дышать ими нельзя, они царапают горло, вливаются, застревают, их не протолкнуть дальше, туда, где обезумевшие, горящие легкие кричат в ужасе: воздуха! Воздуха! Только бы вдохнуть...

Глава 1

Память сердца

Прошлое живо, пока

Не умер последний из тех,

В чьей памяти живо оно.

Вергилий

Снег не падал – парил в стеклянном заоконном пространстве. Небо за ним клубилось бледно-оранжевое, розоватое, персиковое.

Как будто не дымный мрачноватый мегаполис внизу, а сказочный замок.

Она чуть прихмурилась, вглядываясь в серебряные снежные искры. Да, правильно. Серебряные. Серебряная звездчатая сетка-паутинка на розовом родоните. Впрочем, нет, родонит грубоват. И не орлец. И чароит не подойдет. Быть может, лунный камень – адуляр? Тоже нет, слишком «холодный», почти голубой. Вот розовый опал, пожалуй, будет хорош или розовый гранат – родолит. И среди сердоликов наверняка нужный оттенок найдется. Серьги? Ожерелье? Брошь? Да, брошь – хорошо. И браслет. И, может быть, диадема. Никакой симметрии, разумеется. Для VIP-варианта можно в серебряную паутинку еще мелких-мелких бриллиантиков добавить, буквально бриллиантовой крошки.

Она словно видела перед собой текучие зыбкие линии и цвета будущих драгоценностей. Можно не зарисовывать. Она не забудет.

Кто сказал, что старость – это склероз? И тем более, кто сказал, что семьдесят с хвостиком – это старость? Смешные люди.

Ну да, разумеется, в семьдесят все не так легко, как в двадцать.

Все гораздо легче. Вот ведь штука какая.

И – нет, пожалуй, бриллиантовая крошка окажется лишней. Перебор. Чересчур резко, почти вульгарно. А если кто-то из «особо важных» решит, что сердолики в серебре – слишком дешево... ну и леший с ними!

День ото дня она все яснее понимала справедливость дедовского завета: не дороговизной самоцветов определяется истинная ценность произведения ювелирного искусства. Одно из самых красивых яиц Фаберже – «Ландыши», эмаль и жемчуг – без увенчивающей его бриллиантово-рубиновой короны выглядело бы куда изящнее и пронзительнее.

Как вот этот абажур, семейная реликвия. Бронзовый, чеканный, но такой кружевной, такой ажурный, словно плетеный или хотя бы кованный. Но ковкая бронза – это уже что-то из древней истории, сегодня бронзу не куят. Да и сто лет назад тоже... Сердолики в окошечках прихотливого, потемневшего от времени узора взблескивали веселыми разноцветными огоньками – должно быть, сто лет назад, когда лампа под абажуром была керосиновой, они переливались не так ярко. Простенькие ведь камушки, а какая красота! Как

елочная гирлянда среди черных октябрьских ветвей. Серебро было бы ажурнее и светлее, но... Будь абажур серебряным, он, пожалуй, не казался бы столь красивым. Да и вряд ли серебряный абажур дожил бы до сегодня. Три революции, две войны, ну и прочие жизненные повороты. Да что там – абажур, уму непостижимо, как дом-то удалось отстоять.

Ничего, подмигнул огоньками абажур, вы справились. И ты – справилась. И дальше справишься, чего бояться?

Кэт, так же хитро подмигивая, называет ее Королевой Самоцветов. Хотя какая она королева? Вот разве что царица...

Счастливая Царица – так она, всегда любившая не только игру камней, но и игру слов, переводила свое имя. Царица – потому что Васильевна. Василий – обрусевшее греческое «басилевс» – в переводе означает «царь». Ну а Васильевна получается Царица, правильно? И если кто-то там думает, что царица – это непременно что-то такое юное, пусть себе думает. Царица – она и в семьдесят царица. Тем более что... ну какая, ей-богу, разница, какие там цифры в паспорте нарисованы? Внутри-то, в душе, так и бурлят... ну не семнадцать, конечно, а... пожалуй, двадцать семь, двадцать восемь. Приблизительно. Когда уже не тычешься в жизнь полуслепым кутенком, а – понимаешь. Понимаешь все, что видишь. И – радуешься, радуешься этому всему. Каждому дню, каждому часу, каждому мгновению. Это и есть счастье.

Да, она счастливая.

Счастливая – потому что Аркадия. А что? Очень может быть. В конце концов, древнегреческая Аркадия на протяжении десятков веков служила символом некоего пасторального, идиллического покоя и безмятежного счастья. Вряд ли реальная пелопонесская провинция и впрямь была таким уж райским уголком, но символ-то существует! Если уж проживание в Аркадии считалось гарантией счастливой жизни, то и имя должно ведь что-то такое приносить, правда?

Ну да, очень может быть наоборот, и она все это себе придумала, ну и что? Ей нравилось так думать – и о своем имени, и о себе.

Счастливая Царица.

Аркадия Васильевна.

Аркадия Вторая, если уж совсем точно.

Вторая – это же не обязательно хуже, чем первая. Кто, кроме историков, помнит русскую императрицу Екатерину Первую? Подумаешь, жена Петра Первого! Мелочь, в общем. А вот Екатерина Вторая – это да, это фигура. Просто за здорово живешь прозвание Великая никому не дают. А ведь – вторая.

Она привычно погладила браслет, как всегда, подивившись безукоризненному изяществу его линий и отметив: это он приносит счастье, не только имя.

Браслет и, быть может, еще дом.

Аркадия Васильевна нахмурилась, прислушиваясь: ходит, что ли, кто-то наверху? Татьяна? Впрочем, Татьяну, даже когда ее радикулит терзает, или когда Миша заезжает мать навестить, отсюда не услышишь. Перекрытия тут, говорил прораб ремонтников, ого-го какие, до второго пришествия простоят. Ну и звукоизоляция – тоже.

Показалось. Или, как говорят дети, оно само.

Аркадия Васильевна улыбнулась.

Может, и само. Дом был старый и иногда вздыхал. Не от плохого самочувствия, ни в коем случае, здоровью особнячка могли позавидовать многие новостройки, – скорее, просто от воспоминаний. Она тоже вздохнула – глубоко, длинно, сладко. Потянулась, сильно прогнув спину. Усмехнулась, покачала головой, вспоминая квохтанье врача, которого по-свойски – все-таки сын старинной подруги, практически на глазах вырос – называла Вадиком. Аркадию Васильевну ужасно веселили его ахи и охи:

– Голубушка моя, ведь возраст же! Нужно себя поберечь, не напрягаться, режим соблюдать, резких движений не допускать, гимнастику – только щадящую, а то далеко ли до беды.

Про щадящую гимнастику было особенно смешно. Кто бы говорил! Вадик в свои неполные сорок обладал уже изрядным брюшком и даже на второй этаж, к Татьяне, поднимался с придыханиями. Аркадия же в свои «за семьдесят» на третий, чердачный этаж, не сбив дыхания, взлетает, а на Вадиковы намеки – мол, недурно бы особнячок лифтом оборудовать, вы же, голубушка, вполне обеспечены, чтобы должный уровень комфорта себе создать – только головой качает да фыркает. Нет уж. Навидалась. Едва начнешь себя щадить, комфортом окружать и все такое – а попросту говоря, потакать собственной лени, – тут же в старуху дряблую и превратишься. А то и похуже. Вон как мать Вадика. Рыжая Ритка, которая во времена их общей молодости слыла одной из самых отвязных авантюристок, второй год лежит, разбитая инсультом, даже говорит с трудом. Все потому, что после пятидесяти рукой на себя махнула: подумаешь, дескать, двадцать лишних кило, ну тридцать, ну сорок, возраст же, что ж, и тортиком себя не побаловать? Вот и добаловалась. Аркадия Васильевна навещала бывшую подругу редко – очень уж тяжело чувствовать собственное бессилие, все кажется, что ты в чем-то виновата, может, была бы в увещеваниях понастойчивее, и трагедии такой не случилось бы. И сколько ни убеждай себя, что твоей вины тут нет – но помочь-то уже невозможно, тяжело ужасно.

Да хоть и без трагедий – ведь стыдоба, как на некоторых поглядишь. На большинство, если уж честно.

Старики. Настоящие старики.

Даже те, кто еще хорохорится...

Вон Коленька Горностаев, что давеча третий раз уже звонил, напоминал – мол, юбилей грядет, не забудь старого друга. Друга, как же! Даже смешно.

Ах, какой у них был роман! Весь московский бомонд, затаив дыхание, наблюдал за разворачивающимися вживую «мексиканскими страстями». Нынешние, кстати, мексиканские сериалы и прочие «мыльные оперы» в подметки их тогдашним безумствам не годятся. Толпы поклонниц после каждого спектакля забрасывали байронического красавца роскошными букетами, а он швырял цветы в директорскую ложу, откуда, по его протекции и настояниям, глядела на сцену она, Аркадия. Коленьке ужасно нравилось ее имя: моя Аркадия, твердил он, закатывая глаза и даже как бы слегка задыхаясь, точно на сцене очередное чувствительное объяснение разыгрывал, моя Аркадия, мое счастливое прибежище. Когда директорская ложа бывала занята каким-нибудь особо

почетным гостем, Аркадию усаживали в первом ряду, и швыряние цветов к ногам прелестницы становилось еще более эффектным. Прелестница же принимала «вещественные знаки невещественных отношений» как должное, с поистине королевской невозмутимостью. Куда только, бывало, девалась та невозмутимость, когда они швыряли друг в друга посуду ресторана ВТО, а то и «Метрополя», скандаля так, что от яростных криков звенели хрустальные подвески дорогущих люстр, а бесстрастные, как английские лорды, официанты даже менялись в лице! Как страстно они мирились – уже не публично, а... да, как правило, вот прямо здесь, в этом особнячке, не всегда даже успевая добраться до спальни.

Друг, надо же такое сказать, усмехнулась саркастически Аркадия Васильевна.

Но вот старый – что да, то да, хоть и бодрится Коленька, и к массажистам ходит, и может быть даже, страшно подумать, к пластическим хирургам, и молоденьких инженерю соблазняет, точно доказывает кому-то, что никакой он не старик, а совсем даже наоборот – брав и бодр. Смешно. Инженю-дебютантки и студенточки из его семинара уж точно не из-за этой мифической бравости пачками в его объятия готовы валиться, только дозволю. Мэтр! Мэтр-то он мэтр, но – увы. Ладно бы седина, многим она только значительности придает. Вон как шел Коленьке седой парик, надеваемый для роли Адуева в «Обыкновенной истории»! Но ведь что седина! Отяжелел Коленька, обрюзг, от углов рта недовольные складки повисли, как у пожилого спаниеля. И как бы ни старались виртуозы портновского мастерства, из-под их шедевров животик-то выпирает, уже не спрячешь.

Идти к Горностаеву на юбилей или ну его? Чтоб не расстраиваться, на руины былых героев глядя...

Лелик, которым ее Кэт вечно поддразнивает – вон, говорит, глянь, как ни ткнешься в телевизор, все он, не сегодня завтра вице-премьером станет. Пробросалась, подруга, сейчас была бы за ним, как за каменной стеной, как сыр в масле бы каталась. Ну-ну. Вице-премьером Лелик то ли станет, то ли нет, а вот бочонком сала стал уже давным-давно. Головкой сыра в масле, да-да-да. Он и в молодости-то Аркадии не нравился – мелкая тщеславная душонка, насквозь пропитанная амбициями, – хоть дьяволу продаться, а только бы залезть повыше. Он, кажется, и за Аркадией-то ухаживал не из-за каких-то там чувств, даже не из-за примитивной похоти (женщину ж не обманешь: не хотел он ее ни капельки, ни капелюшечки; он вообще ничего не хотел, кроме близости к

власти), а из тяги к престижу: заполучить в любовницы эту независимую красотку было бы более чем лестно. Да и не только в любовницы, он и замуж ее звал, правда, не слишком настойчиво. Аркадия тогда ни на мгновение не задумалась: замуж?! Вот за «это»?!! Это даже и не смешно, это попросту мерзко... Хотя тогда Лелик выглядел более-менее пристойно. А уж теперь-то – фу, даже глядеть тошно.

Вот знаменитый адвокат Рудольф Михайлович до сих пор хорош, один из немногих, на кого и сегодня приятно посмотреть. А уж поговорить – и вовсе! Их роман когда-то начался именно с разговоров: о живописи итальянского Возрождения и юридических казусах в литературных произведениях, о сложностях перевода и техниках манипуляции массовым сознанием, о сплаве Востока и Запада в русском искусстве и философских школах античности. Обо всем. С ним было ужасно, ужасно интересно. И вовсе не из-за его известности. На адвокатскую – да и любую другую – славу Аркадии, по правде говоря, было наплевать. Рудольф Михайлович потом, когда их роман уже более-менее благополучно завершился, сделал себе имя в громком процессе Соколова – проворовавшегося директора Елисеевского гастронома. Спасти одиозного клиента адвокатам тогда не удалось, но рейтинг, как теперь это называют, участвовавших в деле адвокатов взлетел, разумеется, до небес.

Да, вздохнула Аркадия Васильевна, этот роман, в отличие от большинства прочих, имел все шансы завершиться маршем Мендельсона. Ох, мог бы. Если бы не специфически адвокатский цинизм пылкого влюбленного. Пылать-то Рудольф Михайлович вполне пылал, однако попутно – просто на всякий случай, нельзя же складывать все яйца в одну корзину – отвешивал авансы и Кэт.

Нет, Аркадия не обиделась – на что тут обижаться, каким уродился, таким и помрет, черного кобеля не отмоешь добела, что выросло, то выросло. Надо быть полной идиоткой, чтобы надеяться на «женится – переменится». Кем-кем, а уж идиоткой она не была никогда. Но перспективного, быть может, самого перспективного из всех, поклонника быстренько перевела «на скамью запасных». Откуда, если честно, назад, «в игру», никто не возвращается, постепенно переходя в разряд «старых друзей».

Кстати, улыбнулась она, дружба-то до сего дня сохранилась – и очень может быть, что это куда лучше, чем неслучившийся брак. Поженились бы, шлялся бы Рудольф налево, она бы страдала, потом и до развода с битьем горшков дошло бы наверняка. А сейчас они встречаются хотя и не слишком часто, но всегда с

удовольствием. Он ей на жен своих жалуется – уже третья, кажется? или пятая? – на детей, теперь вот о внуках вздохать начал:

– Старшая-то моя напрочь в компьютерное приложение превратилась. Знаешь, Арчи, – он до сих пор называл ее этим придуманным когда-то давным-давно именем, – я уж и ума не приложу, как ее от ящика этого оторвать. Не поверишь, целыми днями, как приклеенная, сидит, носа из дому почти не кажет. И ладно бы делом занималась, а то так, обезьяньи радости. Нет, я не против технического прогресса, сам пользуюсь: почта там, поиск всякого нужного, новости законодательства и всего прочего, работа такая, надо руку на пульсе держать. Опять же электронные архивы куда удобнее бумажных: и места не занимают, и систематизировать одно удовольствие, и не чихаешь от них. Но Сонька-то никаким таким делом не занимается, только время убивает – типа с друзьями переписывается. Фоточками котиков меряются – у кого больше плюшиков соберет. Назвать это перепиской – все равно что вазу с гипсовыми яблоками на стол поставить, кушайте, гости дорогие! Родители даже психолога вызывали, а толку? Нет бы взяли ее да в поход какой-нибудь отправили, чтоб реальной жизни понюхала, или по Европам бы прокатили... Да хоть бы и силой! Но нет, они ж заняты ужасно... Ей-богу, лучше бы она по дискотекам, или как там они сегодня называются, бегала. Там, конечно, тоже не подарок, наркота в каждом клубном туалете, мне ли, модному адвокату, не знать?.. Но наркота – все же не обязательный элемент, а потенциальный риск. А так – какая-никакая живая жизнь. Помнишь, как мы...

Аркадия печально улыбнулась, вспомнив не «как мы», а собственного внука. Балька вон тоже часами в своем компьютере висит. То говорит – материалы учебные ищет, как с университета приноворился, так и теперь, в аспирантуре, теми же методами пользуется, то – вроде бы даже и подрабатывает. Ну может быть, может быть. И как приклеенный у монитора все же не сидит, «в свет» вылезает. Хотя как-то все по развлекучечкам. Да, пора, пора его в... как это Рудольф сказал? Пора Бальку в «живую жизнь» возвращать. Семейное достояние должно попасть в надежные руки. Дверь пещеры Али-Бабы не всякому открыть можно, ох, не всякому. Даже если он внук родной.

Так что да, хорошо, наверное, что Рудольф Михайлович так и не превратился из любовника в мужа. Зато у Аркадии Васильевны есть хороший – надежный, что удивительно при его любовном легкомыслии – друг.

Забавно все-таки, что они с Кэт ни разу не поссорились из-за поклонников. Делить – делили, передавать друг дружке – передавали, иногда и вовсе, застав вдруг на одного и того же, мирно договаривались: ладно, этого бери себе, тебе он больше подойдет. Как будто о платьях речь шла, честное слово!

Так идти к Горностаеву на юбилей или... С Коленькой и впрямь давненько не виделись, но на подобном торжестве с виновником особо-то не общаешься. А значит, придется толкаться в наизусть знакомой тусовке, разглядывать наряды и драгоценности, перебрасываться фразами разной степени вежливости. Толстая Вика, супруга кого-то из «культурных руководителей», будет шипеть сквозь зубы: хорошо тебе, ты вон какая стройная, повезло с генетикой, ни килограмма с возрастом не прибавила, а другим никакие диеты не помогают, пухнет тело, как на дрожжах, и все тут, вон, говорят, от плавания хорошо худеют, так вранье все, если уж от природы заложено, то в бассейне хоть утопись, а вес не согнать.

Диеты ей, видите ли, не помогают. Видала Аркадия, как она пирожные трескает – а после глазки кругленькие, удивленные: я даже чай, говорит, без сахара пью, и все равно толстею, ужас!

Правда, в бассейн Аркадия Васильевна отродясь не ходила. И сейчас не станет. Не любила она бассейны. Не любила, как нынче модно говорить, от слова совсем. На курортах – будь то «бюджетная» Анталья или «элитные» Мальдивы с персональным бассейном (почему-то всегда в форме стоматологического лотка, вроде изогнутой для изящества фасолины) при персональном (ВИП! а как же!) коттедже – купалась только в море. Где упрямая, настоящая, неожиданная – живая! – вода не гладит тебя бессильными ладошками, а властно заявляет свои на тебя права. То в плечо со всего маху толкнет, как расшалившийся щенок – размером со слона, – то с головой накроет, то покачает нежно, успокаивая, убаюкивая, расслабляя, то, внезапно расшалившись, окатит обильными брызгами. Отплевываешься от горькой соленой влаги – и хохочешь от восторга.

Может, слетать на недельку в какое-нибудь Гоа? Где температура и воды, и воздуха круглый год плюс двадцать восемь. Или на Гавайи, к примеру? Вот прямо отложить все намеченное – и слетать, а? Похулиганить. Поучиться стоять на верткой доске, которую качает на своей тяжелой спине самый большой на Земле океан?

Вот только откладывать намеченное – дурная примета. Пути не будет. Так что вот прямо сейчас слетать к соленой воде не выйдет. И почему это около Москвы нет никакого океана? Или хотя бы моря. Только бассейны с их искусственными течениями и мармеладной водой. Ровно в мертвом корыте плещешься. Хотя многим вроде нравится. А у нее вот такой каприз: что бы там ни говорили о пользе бассейнов для поддержания пресловутой формы, не любит она их. Не любит. И никогда не любила.

Зато пешком всегда ходила много. И спортзалом не пренебрегала. И в особнячке, когда ремонт делала, что-то вроде того оборудовала: шведская стенка, три-четыре тренажера, зеркало во всю стену с балетным станком. Ну и сауна рядом, и душ – циркулярный, жестокий, из трех стен сверху донизу струи лупят. Очень, знаете ли, тонизирует.

Так что в чем-то Вика права: ни килограмма Аркадия Васильевна с возрастом не прибавила. Да и не в килограммах самих по себе дело – в подвижности. Ее же до сих пор со спины «девушкой» окликают: подтянутая, стройная, шаг легкий, летящий. Ну, с лицом и шеей, конечно, не так все лучезарно. Когда-то, помнится, о подобном несоответствии говорили: сзади лицей, спереди музей. Впрочем, ей-то самой до «музея» еще далеко. Физические нагрузки в комплекте с контрастным душем очень, знаете ли, неплохо «консервируют». Вбухивать безумные деньги в косметологов, как любимая подруга Кэт, Аркадии всегда казалось... не совсем уместным, что ли. Ухоженность – это да, но чтобы без фанатизма. В конце концов, в их возрасте уже не губками пухленькими да щечками гладенькими внимание привлекают, а обаянием. Оно у Аркадии, может, и не такое сногшибательно блестящее, как у Кэт, которая вся – фейерверк, растворенный в бокале шампанского, – но вполне, вполне. Очень даже обаятельное обаяние. Толпы поклонников, может, и нету, но двое-трое всегда наготове. И не какие-нибудь замухрышки или, паче чаяния, альфонсы малолетние.

Ох, надо бы все-таки Кэт как-то образумить. Этот ее, как она называет, «малыш» – не дело это, ох, не дело. Ведь почти что во внуки ей годится. И с места ее не сдвинешь – любовь, говорит, вот и весь сказ!

Когда Кэт называли легкомысленной, она только посмеивалась довольно: ну я же графиня Бобринская, еще бы не быть легкомысленной – при такой-то родословной! Действительно.

Первый-то из графов Бобринских вообще был, как известно, плодом того, что называется «преступной страстью». Впрочем, у венценосных особ «преступных» страстей не бывает – только неофициальные. Да и Екатерина Вторая при всей своей, так сказать, любвеобильности была дамой абсолютно прагматичной. Амурничала вроде бы напропалую, однако ж последствия сего лишь однажды случились, видать, не стала матушка-государыня императрица избавляться, пожалела. Все-таки Григорий Орлов, папочка незаконного отпрыска, был орел не только по фамилии и уж тем более не только в альковных игрищах. «Последствия» назвали Алексеем Григорьевичем, одарили графским титулом и соответствующим именем.

Кэт утверждала, что унаследовала любвеобильность и веселый нрав от самой Екатерины и даже как будто гордилась своим легкомыслием.

* * *

– Ну, ты тоже, знаешь, не верх благоразумия. – Кэт смешно наморщила все еще очаровательный носик и махнула узкой ладошкой, подзывая официанта – мол, еще кофе, пожалуйста. – Эта твоя затея – авантюра чистой воды. Браслет-то не жалко? Я думала, он для тебя как часть тебя самой. Амулет. Талисман. Оберег. Как можно от собственного оберега отказаться?

Ресторанчик этот Аркадия обнаружила лет восемь, а то и десять назад – в начале двухтысячных. Ювелирный магазин «Аркадия Привалова» (почти на Тверской! хотя чего это стоило, вспомнить страшно), пройдя через все положенные трудности становления, уже заработал репутацию, доход стал вполне стабильным, и можно было наконец приняться за реконструкцию изрядно обветшавшего особняка. Хотелось и безукоризненного быта, и чтобы не испортить. Как говорила – почти не в шутку – сама Аркадия: чтоб домовый, обидевшись на перемены, не сбежал. Но дело было, конечно, не только в домовом. Страшно было утратить привычную атмосферу семейного особняка, превратить его в безукоризненно комфортный и абсолютно безликий новодел. Но вроде все получилось.

С инженерно-технической точки зрения самой сложной частью неожиданно оказался водопровод. Отчаивалась она. Отчаивались мастера. Отчаивались – и вновь принимались за превращение древней, почти заросшей паутины труб в... ну, в водопровод, собственно. И когда наконец во всех кухнях и ваннах

особнячка заработали раковины, смесители, душевые кабины – это было как начало какой-то новой жизни. Вода стала хрустально-прозрачная, голубоватая, как в Женевском озере, словно бы даже сладкая. Аркадия Васильевна и джакузи в свою личную ванную поставила! По настоянию Кэт, которая всегда обожала всевозможные эдакие штучки. Джакузи – это было, разумеется, очень приятно, спору нет. Но все-таки главным сокровищем стала роскошнейшая, с миллионом сверкающих ручек и рычажков, похожая на космический корабль душевая кабина! Аркадия стояла под колючими струйками, ощущая стареющей кожей каждую из них – и это было такое острое, такое юное, телесное счастье, что все остальное выглядело смешными, незначущими пустяками. Какая старость, о чем вы, когда можно хоть по десять раз на дню принимать такой душ!

Симпатичный, как елочная игрушка, итальянский ресторанчик в десяти минутах ходьбы от особнячка оказался тогда, во время ремонтных «катаклизмов», очень кстати. Столкнувшись с очередной «неразрешимой дилеммой», Аркадия вызванивала Кэт, и они часами сидели над вкуснейшим капучино, обсуждая, в какую сторону двигать ремонт дальше. Место было не проходное, посетителей не толпы, сидеть было уютно и спокойно. Аркадия Васильевна опасалась, что ресторанчик, затерянный в паутине тихих переулков дальнего Замоскворечья, долго не протянет. Но нет, не разорился, даже разросся немного – теперь летом можно было посидеть в спрятанном за основным залом «итальянском дворике». Заплетающий решетчатую стену плющ лениво шевелил резными листьями. На плиточном полу играли в догонялки шустрые солнечные зайчики. Пахло нагретым камнем и даже, кажется, морем. Впрочем, почему «кажется»? Может, и в самом деле морем. Есть же, наверное, какие-нибудь специальные ароматизаторы? С морской солью, например, с экстрактами водорослей и всяким таким, что сплетается в сложный, но абсолютно узнаваемый «морской» аромат.

В основном – «зимнем» – зале пахло хвоей, лимоном, полиролью, свечным воском и, разумеется, кофе.

Аркадия Васильевна сделала крошечный глоток, погладила браслет одним пальцем:

– А знаешь? Не жалко. Да и оберег это не мой, строго говоря.

– Но ты же всегда говорила... – Кэт недоуменно прихмурила идеальные брови. – Фамильный, дескать, талисман...

– И сейчас то же скажу. Семейный. Не мой персональный, понимаешь? Твою-то семейку без всяких амулетов прямо ангелы-хранители берегут, может, сама Екатерина Великая за вами с небес присматривает. Ну а мы, Приваловы, люди земные, вот и оберег у нас вполне материальный. Да ему сто лет всего. Мое дело – чтоб этими ста годами его работа не исчерпалась, чтобы род не пресекся.

Насчет ангелов-хранителей Аркадия Васильевна подметила точно. Фамилию Бобринских – ну, по крайней мере, ту ее ветвь, на которой расцвела в итоге Кэт – почти не затронули никакие исторические катаклизмы, на которые так богат был XX век. Ее бабушке, вышедшей замуж в его начале, ужасно не нравилось имя мужа. И тот, готовый ради обожаемой супруги хоть луну с неба достать, не то что усадьбу, какую пожелается, устроить, моментально кинулся исполнять каприз своей, как он говорил, повелительницы. Имя благополучно продано, а пока подыскивали подходящее, молодые путешествовали по Европе. Ну как – путешествовали, больше развлекались. Настроение несколько подпортила начавшаяся вдруг Первая мировая война, но война – она ведь где-то там, далеко, правда? В Швейцарии тихо, да и легкомысленный Париж ни о чем таком ужасном, в общем, не вспоминал. В начале семнадцатого года до молодых супругов стали доходить слухи о каких-то волнениях в России. Чуть ли не революция, ужас какой, право слово. Мало им было пятого года! Покупку имени решили отложить до более спокойных времен, капиталы на всякий случай перевели в Швейцарию. Так что, когда после Февральской революции грянула Октябрьская, дела молодой семьи были куда лучше, чем у подавляющей части русского дворянства. А уж когда у по-прежнему страстно влюбленных супругов родилась маленькая Софи, все стало и вовсе прекрасно. Какая война, какая революция, что вы! У нас все замечательно, а если у кого-то не очень, то... ну, знаете, очень жаль, конечно, но мы-то тут при чем?

Софи выросла прелестной и своенравной до упрямства: стриглась коротко, романтическим платьям предпочитала уже и не слишком порицаемые мужские костюмы, боролась за права всевозможных угнетенных, всячески приветствовала женское равноправие и замужество называла пережитком.

Но...

Князь Алексей Воротынский, встреченный не то на автомобильных гонках, не то в богемном кафе, был так хорош, так хорош – закончил Сорбонну, стажировался у самого Нильса Бора (что, впрочем, юную графиню Бобринскую не слишком

интересовало) и совсем-совсем не возражал против равноправия, представляете? И Софи не устояла. Даже возражения против формального замужества моментально куда-то улетучились. В мэрии регистрируемся? Да, дорогой. Венчаться? С радостью, ненаглядный! Единственное, на чем Софи настаивала – сохранить фамилию. Воротынский – это, разумеется, звучит. Но она-то – Бобринская, это вам не жираф чихнул! В чем проблема, нежно улыбнулся влюбленный князь, будешь Воротынская-Бобринская. Хочешь – графиней зовись, хочешь – княгиней, как тебе больше нравится. А дети, не унималась Софи, вдруг дети? В чем вопрос, дорогая, продолжал безмятежно улыбаться князь, и дети тоже будут Бобринские-Воротынские, чай, не девятнадцатый век на дворе, высочайшего соизволения Его Императорского Величества для удвоения фамилии не требуется.

Но безмятежность безмятежностью, а Европу плотно накрывала коричневая фашистская чума, и через пару лет после свадьбы, в самом конце тридцатых годов свежее испеченная графиня-княгиня заявила, что ей тут душно. И вообще старушка-Европа – это ужас как скучно, все насквозь плесенью пропахло, а вот в Советской России – размах, простор и новые горизонты. И березки! Берез вообще-то и возле Парижа хватало, но разве могут хлипкие французские, ну или швейцарские березки сравниться с русскими? Русские даже шелестят музыкальнее, вот. И вообще. Известно же, что даже Среднерусская возвышенность – самая возвышенная из всех возвышенностей.

«Хочу домой», – заявила упрямая Софи.

И они вернулись.

Пусть год был не тридцать седьмой, а сороковой, велика ли разница? По всей исторической логике, аристократическим, аж с двумя титулами на семью, супругам полагалось сгинуть если не в лубяньских подвалах, то как минимум в недрах ГУЛАГа.

Но историческая логика не всеильна. Трудно сказать, что их спасло. Обширные ли связи Алексея Воротынского среди советского дипкорпуса помогли, начавшая ли уже складываться его научная репутация, ведь авторитет Нильса Бора в СССР был более чем велик, и не только как ученого, но и как антифашиста, или уж и впрямь фамилию Бобринских оберегала «с той стороны жизни» сама Екатерина Великая – но супругов не коснулась даже тень неизбежных, казалось бы, репрессий. Даже грянувшая вскоре Великая Отечественная не принесла им по-

настоящему серьезных тягот и лишений.

Князь, о титуле которого, разумеется, забыли, которого не взяли ни в армию, ни даже в ополчение, преподавал на физфаке. Софи переводила какую-то бесконечную, довольно бессмысленную, на ее взгляд, документацию, не то научную, не то техническую, смеялась над убожеством быта и помогала ближайшему госпиталю. Работала самоотверженно, презрительно дергая плечиком и на усталость, и на нехватку привычного комфорта – только плакала тихонько от жалости к искалеченным «солдатикам». Тайком, чтоб не расстраивать несчастных еще больше.

Кэт родилась в сорок пятом. Счастливые родители надыхаться на свою кровиночку не могли. Баловали ее, названную, разумеется, в честь великой прапра... прабабки, и баловали, как царевну. Ну как – баловали? Больше вниманием – никаких «отстань, не до тебя» маленькая Катя никогда не слышала. Два иностранных языка с колыбели – нянька Глаша говорила с малышкой по-русски, папа по-английски, мама по-французски. Танцы – непременно, для правильной осанки, рояль – как же без этого, нельзя же «царевне» не музицировать. Ну и прочее в том же духе – *noblesse oblige*, положение обязывает. Не в поле обсевок – Воротынская-Бобринская. Впрочем, задирать нос перед теми, кому судьба отсыпала не так щедро, не позволялось. Да Катюше это и в голову бы не пришло, с колыбели усвоила: кичиться тем, что ты в чем-то выше других – в образованности, внешности, достатке, тем более в социальном статусе – фи, неприлично, недостойно, попросту стыдно. У тебя новое платье, а у соседского Петьки, мама которого приходит помогать Глаше со стиркой, дыра на штанах? Возьми иголку с ниткой и помоги зашить. Не получается – учись.

Шить, кстати, Кэт любила куда больше, чем танцы или даже пирожные, которые мама иногда приносила из какого-то скучного министерства, где служила архивным переводчиком. На круглом столе являлся пузатый чайник с чуть сбитым носиком («А ведь в Париже из севрского фарфора не так вкусно было, правда, Сонюшка?» – пошучивал папа), два коричневых эклера гордо лежали на тарелочке и пахли чем-то сладким и немного цветочным. Мама говорила, что это называется «ваниль». Оба эклера разрезали пополам, каждому – маме, папе, Кэт и Глаше – доставалось по половинке.

После завершения торжества Софи устраивалась в уголке дивана и командовала дочери: «Ну показывай, что напридумывала!» Кэт разрисовывала платьями для кукол все тетрадки. Мама внимательно разглядывала, качала головой: нет,

невозможно, для такого платья и материалов-то не бывает, а вот это – очень может быть, только длину юбки ты не угадала, видишь, две половины как будто разваливаются? Одобренные эскизы превращались в настоящие наряды. Старые платья, блузки и даже папины пиджаки отдавались Кэт «на тряпочные фантазии». А что, усмехалась Софи, в девочке бьется явственная модельерская жилка, может, и толк выйдет, в конце концов половина парижских модных домов руками наших эмигранток созданы. Правда, вряд ли это нужно здесь и сейчас, но если подумать...

Абсолютный расцвет Катюшиных «фантазий» случился после Всемирного фестиваля молодежи и студентов, когда Москву заполнили толпы улыбающихся, хохочущих, шумных, дружелюбных парней и девчонок в странных, нередко как будто сошедших со страниц этнографической энциклопедии костюмах. Двенадцатилетняя Кэт жадно вслушивалась в их веселую болтовню, всматривалась, рисовала, изобретала новые кукольные платья, которые становились все более экзотическими...

А потом вдруг – как отрезало. Кэт вспоминала тысячи ярких – и таких разных! – нарядов, и собственные «придумки» казались ей... не то чтобы скучными, но какими-то необязательными. Ну сочинит она еще сто, двести, тысячу платьев – это же капля в море. Быть каплей в море не хотелось. Кэт пошила еще немножко – по инерции – и бросила. В жизни сразу образовалась какая-то пустота, как будто не хватало чего-то. Ни учебы, ни книжек, ни музыки для заполнения пустоты не хватало.

Но тут запустили спутник. Даже не так – запустили Спутник. Туда, в космос, с ума сойти! Кэт немножко и «сошла». А голова у нее, при всем кажущемся легкомыслии, была светлая. Если полетел спутник, сосредоточенно прихмурясь, рассуждала девочка, значит, и люди полетят? Разницы-то ведь никакой, правда? Только сложнее. А если люди, значит... значит... значит, и я могу?

Софи после фестиваля как-то внезапно бросила надоевшую переводческую «лямку» и устроилась в ателье. Такое, очень закрытое, для «партийных элит». Начав простой швеей, она как-то очень быстро доросла до одного из ведущих модельеров. Не столько из-за того, что недалеким в основном женушкам номенклатурных работников было лестно обшиваться у «княгини», сколько благодаря ее «парижскому» вкусу. Время от времени Софи обсуждала с дочерью очередной эскиз: «Как на твой взгляд, тут вот так или эдак лучше пустить?» Кэт отвечала не задумываясь и утыкалась в очередную книжку. В космос-то ведь не

кого попало будут брать, надо хотя бы оценки, что ли, приличные. Правда, математика с физикой Кэт не давались, но она особенно не расстраивалась: ну не обязательно же понимать все эти зубодробительные формулы, чтобы «туда» полететь? И учебники очень быстро сменились фантастикой. Сперва – Беляев с Ефремовым, потом отец начал приносить «американцев», радуясь, что дочь улучшает английский.

Полет Гагарина стал для Кэт очередным разочарованием. Ну, то есть она радовалась, конечно, как и все вокруг, но лететь «туда» самой как-то внезапно расхотелось: зачем, если уже летают? Лучше уж, в самом деле, кино посмотреть, погулять или хоть книжку почитать – да мало ли в жизни веселья. Над кем-то из поклонников подшутить, в конце-то концов. Поклонников вокруг жизнерадостной, остроумной и очень, очень симпатичной Кэт крутилось изрядно. Что в школе, что в МГИМО, куда она поступила как-то очень легко – сработали и родительские связи, и практически «родные» английский с французским, да еще после Московского фестиваля испанский немножко поучила, романтики ради.

Среди однокурсников выделялся неулыбчивый худощавый красавец – сын легендарного советского военачальника. «Чьих-то» детей в самом престижном вузе страны, разумеется, хватало, но девчонки косились на «сына», обмирая от восторга, словно бы рядом сидел не обычный, в сущности, парень, а сам его знаменитый отец.

На втором курсе Кэт, увлекшись романтическим ореолом, выскочила за «сына» замуж. Но мрачноватый красавец при ближайшем рассмотрении оказался живым воплощением поговорки «на детях гениев природа отдыхает». На маршальском отпрыске она «отдохнула» от всей души, с юмором, переходящим в сарказм. Внешне отсыпала парню щедро: взглянешь – герой, практически Александр Македонский. А на деле – вялый, безвольный, скучный. Никакой. И не улыбался он не от погруженности в глубокие благородные мысли, его просто ничто не задевало – ни радость, ни печаль. Ничего. Пустышка. Только «обертка» красивая.

Протерпев «красивую обертку» года два, Кэт быстренько развелась, благо детей они с «отпрыском» не народили, быстренько доучилась, немножко поработала в МИДе – на какой-то мелкой должности вроде третьего помощника пятого секретаря – и быстренько вышла замуж за красавца-дипломата лет на двадцать себя старше. Не по какой-нибудь страстной любви, скорее по дружбе. С Кириллом Леонидовичем – Кэт называла его Кир, как знаменитого древнего

царя, и говорила, что в ее жизни настал «кировский» период – было ужасно интересно. Не потому, что ухаживал красиво – хотя ничего более изящного и увлекательного и представить было нельзя – но вот интересно, и все тут. Дипломат он был не особо высокого ранга, но оно и к лучшему. Ну да, на сторонний взгляд, приятно жить при парижском или лондонском посольстве. А если в какой-нибудь Уганде? Год, два, десять лет. С ума сойдешь. Впрочем, за десять-то лет даже и Париж, и Лондон надоедят хуже Малаховки. Катин же муж занимал какую-то невысокую, но сложную должность и вечно ездил со всякими делегациями – то в Индонезию, то на Кубу, то в Италию, то в Японию. Ну и Кэт, которую моментально оформляли одним из официальных переводчиков, – с ним.

В начале семидесятых не стало ее родителей – обоих сразу. Алексей, у которого в последнее время начала часто побаливать голова, согласился лечь на обследование. Ничего, кроме слегка повышенного давления, так и не нашли, но за два дня до выписки он внезапно умер. И Софи, дежурившая по ночам в его палате, вместе с ним. К шести утра, когда санитарки принялись за утреннюю уборку, а медсестры загремели лотками и шкафами, готовясь к процедурам, тела уже остывали.

Мертвая Софи сидела у постели мужа, нежно держа его неподвижную руку: оба слегка улыбались, и – невероятно! – лица их были безмятежно счастливыми. Патологоанатом только руками разводил: да что вы, ни тромбов, ни, боже упаси, ядов каких – у обоих «просто остановилось сердце». Они жили долго и счастливо и умерли в один день – и так, знаете ли, бывает. Хотя и удивительно, да.

Еще удивительнее было то, что Кэт почти не горевала. Ну похороны, ну люди какие-то соболезнуют, ну кладбище – но к маме с папой это же не имеет никакого отношения! Они просто не здесь, а где-то, откуда письма не доходят – так мы и так в последние годы не переписывались. Ну, может, за руку я теперь их взять не смогу – но поговорить-то никто не мешает, надо только свет в комнате пригасить, и чтоб не заходил никто. Это же очень просто, даже странно, что никто не понимает.

Муж, однако, лелеял «осиротевшую» Кэт с удвоенной энергией. Как будто она была не взрослой женщиной, а удочеренной сироткой, в самом-то деле. А лет через пять и сам он скоростижно скончался от инфаркта. Скоростижно – не то слово. Вот только чайную чашку поставил, газетную страницу перевернул, принахмурился, глаза чуть расширились, словно в удивлении, – и обмяк в кресле.

Кэт осталась молодой прекрасной вдовой. Небедной, кстати, вдовой. Весьма небедной. Немногочисленные приятельницы люто ей завидовали – вот за что, за какие такие достоинства этой фифе все прямо в руки плывет? И ведь не за достоинства – просто так! Ведь свинство же это, граждане – некоторым все, а другим ничего! Три смерти самых близких почти подряд – это у нас теперь называется «все», да-да. Но тем, кто роняет слюни, облизываясь на чужое «благоденствие», такие мысли в голову не приходят.

Не завидовала, пожалуй, только Аркадия, с которой Кэт познакомилась где-то между двумя своими замужествами. Начавшаяся было дружба в «кировский» период почти сошла на нет, но, возвращаясь между дипломатическими поездками в Москву, Кэт звонила Аркадии непременно. Единственной, не поедавшей ее завистливыми взглядами. Вот чего, в самом деле, эти «светские» дамочки так злобятся? Кэт искренне не понимала. Чему завидовать-то? Не феей же она в воздушных замках обитает, вполне земная жизнь. Ну деньги, да, и что? Богатством Кэт и впрямь не слишком дорожила. Путешествовать чисто ради поглазеть на достопримечательности – фи, какая скука. Да и насмотрелась, признаться, за «кировский»-то период и прекрасных пейзажей, и достопримечательностей разной степени значимости. Наелась. Как и «вхожести» в какое-то там «высшее общество», кстати. Да и ей ли, Воротынской-Бобринской, стремиться к «высшему» обществу? Она и так оттуда, просто по праву рождения. Вот если бы нужно было «наверх» своих потомков проталкивать, может, она бы и засуетилась. Но детей у нее так и не было. В первом браке – уф, обошлось. А для Кирилла Леонидовича ребенком, пожалуй, была она сама.

Так что деньги и статус – это, конечно, прекрасно, усмехалась Кэт, но не будет, тоже не беда, уйду в портнихи или переводами прокормлюсь, очень интересно может выйти.

В портнихи она, впрочем, не ушла, хотя, овдовев, было дело, заскучала, почти затосковала от открывшейся вдруг неприкаянности. Но ненадолго.

Родительское наследство, благополучно дожидавшееся ее в подвалах швейцарских банков (вообще-то на счетах, разумеется, но «в подвалах швейцарских банков» звучало куда романтичнее), за десятилетия, в течение которых к нему никто не касался, изрядно выросло. И теперь Кэт была не просто обеспеченной, а богатой. Очень богатой. До Ротшильдов с Рокфеллерами далеко, но все же, все же.

Бог велел делиться, усмехнулась Кэт и, подключив кое-какие связи, накопившиеся за «дипломатические» годы, основала благотворительный фонд. Сперва слепым котенком тыкалась – непонятно было, с какой стороны за это браться – потом потихоньку, полегоньку дело пошло. Даже в «лихие девяностые», когда за полсотни тысяч долларов похищали, а то и убивали, Кэт никто не тронул. Не то потому, что фонд был все-таки швейцарский, и основные дела она предпочитала вести из Лозанны. Не то благодаря покровительству МИДа. Не то потому, что шубами и бриллиантами Кэт налево и направо не размахивала. А может, и впрямь императрица Екатерина берегла с того света свою «наследницу и продолжательницу», кто знает.

Аркадия Васильевна иногда поддразнивала подругу: мол, тщеславие тобой движет, не помощь нуждающимся тебя волнует, а собственные амбиции – ах, благотворительный фонд княжны Бобринской-Воротынской, все в восторге, оркестр играет туш, аплодисменты переходят в несмолкающие овации, ура! Кэт отбивалась: ну даже если так, что в том дурного? Почему не возродить славу хороших фамилий? Вон Толстой, один из многочисленных потомков Льва Николаевича, «Ясную Поляну» чуть не из руин поднимает. И Вяземские, и Головины, и Уваровы, и прочие, помельче, кусочки былых поместий выкупают и восстанавливают. А на мне сразу две фамилии, неужто так их и отпустить в полное забвение? Раз уж детей у меня не случилось, сделаю, что смогу.

Постепенно Кэт освоилась с новой деятельностью и увлеклась ей изрядно. Выделяла стипендии талантливым молодым художникам и музыкантам, помогала отысканным в разных глубинках одаренным детям и детским домам. Да не просто деньгами – просто деньги давать глупо, разворуют, и не потому, что люди такие плохие, а потому что бедность развращает куда сильнее богатства – помогала «со смыслом». Небольшому алтайскому детдому, наполовину кормившемуся с «приусадебного хозяйства», подарила трактор и грузовичок. В другом, под Смоленском, оборудовала такую спортивную площадку, что любому стадиону на зависть. Директриса, чуть не плача, рассказывала, что детишки не только болеть куда реже стали, но почему-то даже успеваемость резко повысилась. От упражнений на воздухе, что ли? Или просто от того, что делом стали заниматься, а не слоны слонять?

Самой Кэт слоны слонять было решительно некогда. Жить стало опять, как в «кировский» период, очень интересно, а работы обнаруживалось столько, что за три жизни не переделаешь. Встречаясь с Аркадией «за рюмкой кофе», Кэт смешно округляла глаза и шевелила тонкими пальцами: рук, дескать, не хватает

на все. Правда, на косметологов, массажистов и прочих мастеров «индустрии красоты» она времени не жалела, как, впрочем, и на серьезные до суровости занятия фитнесом и йогой: если сама себя в медузу дряблую превращаешь, никакие косметологи и массажисты тебя наливным яблочком не сделают. Но даже романы, случавшиеся время от времени, Кэт проворачивала «в жанре спринта», недосуг, мол.

И вот теперь – нате вам, молодой любовник. Не то беда, что молодой, инструкторы на пляжах Ибицы и моложе случались, а то беда, что как-то очень уж надолго этот «малыш» при Кэт задержался. Бог знает, что за персонаж. Аркадия Васильевна хмыкнула. Тихонько, почти про себя, но Кэт, разумеется, услышала:

– У Екатерины тоже, знаешь, не все фавориты семи пядей во лбу были, вспомни Ланского, болван болваном, зато красавец редкостный. Так что мой малыш, который, кстати, совсем не тупица, можно сказать, вполне в семейной традиции.

– Да на что он тебе вообще сдался? – недоумевала Аркадия Васильевна. – Ну видный, да, вполне себе Брэд Питт или кто там нынче самый модный секс-символ? Ну и что?

– Цветы каждый день приносит, представляешь? – Кэт мечтательно закатила глаза.

Брови Аркадии Васильевны вскинулись вверх так стремительно, точно их кто-то дернул за специальные ниточки.

– Да уж... впечатляет... Ты впечатляешь, – пояснила она, скептически поджимая губы. – Можно подумать, ты серая мышка, которой в жизни никто никогда самой занюханной гвоздички не преподнес, Золушка-замарашка, всю жизнь просидевшая в самом темном и дальнем углу. Да цветов, которыми тебя осыпали – и, насколько мне известно, продолжают осыпать, не только ж «малыш» тебе букетики таскает, – этой флоры вполне достаточно, чтобы собственный цветочный магазин открыть.

– Ну... дарили... – Кэт пренебрежительно дернула худеньким плечиком. – Только мне все как-то, знаешь, мимо было. Нет, ну приятно, конечно, но как-то так... А как его с цветами увижу – и тепло сразу, и звезды вспыхивают, и я такая легкая-

легкая... Как воздушный шарик... вот прямо так и улетела бы в небеса...

- Да он, подруга, не дури ли какой-то в букеты свои добавляет? - забеспокоилась Аркадия. В шутку, конечно, но все-таки. Воздушный шарик она, извольте радоваться. Надо же!

- Ага, - подмигнула Кэт, подхватывая шутку. - И вообще систематически меня всякими разными экстази опрыскивает, точно-точно. Что там - цветы! Он едва за руку меня берет, и я тут же таю, таю, таю... Я, знаешь, влюбилась, наверное... на старости лет... впервые в жизни. Впервые в жизни что-то такое почувствовала.

- Н-да? - все так же скептически уточнила Аркадия Васильевна. - А пляжные инструкторы на курортах? Не? Не было? Сон приснился? Или так, между делом?

- Ну... пляжные мальчики, - недовольно протянула Кэт. - Ну милые, но это ж чистая физиология, как в море искупаться. Для здоровья очень полезно. А сейчас... сейчас, представляешь, мне даже в койку не обязательно нырять, я и без того вся в непрерывном экстазе. Хотя в постели... - Кэт облизнулась.

- Сделай милость, избавь меня от сочных подробностей, - сухо перебила ее Аркадия. Впрочем, сердиться на Кэт было невозможно.

- Да ла-а-адно, - протянула та. - Подумаешь, какие строгости! Что уж мне, и влюбиться, что ли, теперь нельзя?.. Я влюблена! Влюблена! Влюблена, и что тут делать? - тихонько пропела она на мотив «Пять минут» из «Карнавальная ночи». - И вообще - ну что б мне не покуролесить на старости-то лет? Ведь не молокососа какого-нибудь семнадцатилетнего пригрела, малыш - он же только для меня «малыш», а вообще-то вполне взрослый господин, и мой фонд очень неплохо консультировал, и бизнесмен успешный.

Аркадия Васильевна скептически подняла бровь:

- И где бы этот успешный бизнесмен был без твоих денег?

- Да ой! Там же и был бы, не с моими, так еще с какими-нибудь. С полного нуля никто же не начинает. Ну вложилась я, и что? Клуб-то вполне доходный получился. Хотя, конечно, специфический. - Она, хмыкнув, покрутила головой. -

Практически та самая «Голубая устрица». Из какого это фильма, не помнишь? Ну да ладно, не важно. Важно, что надо бы куда-то все это дело сворачивать, а то пронюхает кто – неприлично выйдет. Мне-то самой и наплевать бы, но репутации фонда это может изрядно навредить. Да малышу как-то все жалко эту «Голубую устрицу» бросить, вроде там не только доходы, но и связи немаленькие завязываются. Ну да это все временно. – Хитровато прищурясь, она махнула рукой.

– Ну да, жизнь вообще штука временная, – не особо вдумываясь, почти механически ответила Аркадия Васильевна. – Хотя, по-моему, стоило бы к «малышу» твоему повнимательнее приглядеться. Впрочем, тебе советы давать – только воздух колыхать. Да и удачи у тебя столько, что авось и в этот раз обойдется. Может, судьба вообще любит легкомысленных?

– Да ладно, – протянула Кэт, – уж кто бы пенял на легкомыслие! Эта твоя авантюра – даже не легкомыслие, это какая-то запредельно безумная лотерея. А если...

Аркадия Васильевна задумчиво покачала головой:

– Не думаю. Вспомни, как сказочные братья невест себе искали: куда стрела упадет, там и судьба твоя.

– Вот-вот! – Кэт энергично закивала головой. – Я, как о плане твоем услышала, сразу про «Царевну-лягушку» вспомнила. Глупость же невероятная просто!

– А по-моему, наоборот – очень мудро там все устроено. Ну подумаешь, на танцуйках девушку подцепить! Ну или на царском балу. – Аркадия Васильевна усмехнулась. – Все пляшут, улыбаются, приукрашены по самое не могу. Так что одна, другая, пятая – никакой разницы, в сущности. Вот и сходятся-расходятся по пять раз в год. А если ради избранницы семь пар башмаков железных стопчешь, тогда уж точно ценить станешь. Да, кстати, и кого там, в этой тусовке, подцепить можно? Таких же мотыльков? Светская жизнь, тьфу! Нормальные девушки – ну, те, с кем имеет смысл семью строить, а не в облаках плясать – эту самую светскую жизнь не жалуют. Блеск блеском, но под ним-то помойка. Да и Балька в этих клубах клубится не так чтоб с большим восторгом, просто ничего другого ему в голову не приходит. А если подсунуть это самое «другое»... Тем более, ты ж знаешь, Балька при всей своей пока еще

бесхарактерности – такой романтичный, в сущности, мальчик. Для него всякие угадки судьбы – самое оно. В конце концов, почему он до сих пор холостякует?

– Удобно, вот и холостякует. Инфантильный он просто. Такие до старости наивными щенятами скачут, должность главы семьи им только в страшных снах снится.

– Вот и пора ему повзрослеть, – довольно сухо резюмировала Аркадия. – Я при всей своей бодрости вряд ли могу на вечную жизнь рассчитывать. И как-то не слишком хочется, чтобы после моей смерти фамилия рассыпалась и исчезла. Первый Привалов был практически легендой, тезка мой сто лет назад возродил утраченную было славу, и вот теперь у меня примерно то же стало получаться. Третий раз, говорят, волшебный. Вряд ли судьба выдаст Приваловым четвертый шанс. Так что нынешний по ветру пустить нельзя. Да даже если бы и не третий – волшебный. Шансы вообще по ветру нельзя пускать. Грех это. Судьба обидится. Вот поэтому я все и затеяла. Думаю, талисман как надо сработает.

– Ну... может быть, – задумчиво протянула Кэт. – А если вдруг его выберут... ну... подарком любимой супруге на золотую свадьбу?

– Там поглядим. Но вряд ли. – Аркадия Васильевна уставилась на браслет, точно видела его впервые. – Я ему, знаешь ли, верю. Он меня еще ни разу в жизни не обманывал. – Она опять покачала головой и прижалась лбом к запястью. Сильно, так что на гладкой не по возрасту коже красновато проступила словно бы узорная печать – след браслетных изгибов и завитков.

– А ты не слишком торопишься? – довольно безразлично спросила Кэт, не отрываясь от раскопок в сумочке, где срочно понадобилось найти пудреницу. – Ну... с этой своей... авантюрой?

– Ну сколько ж еще тянуть? – Аркадия Васильевна сделала знак официанту: мол, счет, пожалуйста. Впрочем, могла и не делать, их тут знали и «посиделки» могли спрогнозировать до секунды, наверное, и такси для Кэт уже у крыльца дожидается. – Можно, конечно, на после Нового года, а то и на март отложить...

– Вот-вот, – энергично согласилась Кэт. – Весна для любовных историй как-то лучше приспособлена. И подарки в феврале – марте более, как бы это сказать, любовные выбирают. Новый год – праздник в первую очередь семейный, а вот

Восьмое марта и четырнадцатое февраля – самое оно, по-моему.

– Да, пожалуй... Подумаю. Хотя, может, и все наоборот...

– Ну как знаешь. Балька – вполне большой уже мальчик, не рассыплется от твоих экспериментов. Даже романтично, в самом деле.

Цокая трехдюймовыми каблучками, Кэт сошествовала с полукруглого ресторанного крылечка. Хотя чего там сошествовать – полторы ступеньки. Но она именно сошествовала – элегантно, горделиво, словно шедевр мирового искусства и эталон изящества неся себя, прекрасную. Вот как у нее это получается? Случившиеся окрест мужчины, завидев эдакое, всем скопом кидаются – руку подать, поддержать, да хоть бы и плащ под ноги швырнуть. Ибо грешно такими ножками да с такой походкой по обыкновенному тротуару ступать. И впрямь ведь – шедевр и эталон. И никакой возраст тут ничего не изменит.

Сейчас, однако, улочка была пуста. Некому кидаться. И плащи швырять – некому.

По сторонам мраморного крылечка (может быть, даже каррарского мрамора, Аркадии Васильевне очень нравилось это словосочетание – «каррарский мрамор») расположились две кадки, из которых торчали трогательные кустики пиний. Ну да, какие же еще деревья могут охранять вход в итальянский ресторанчик! Она ласково потрепала длинные, будто лохматые иголки: что, ребята, не холодно вам в нашей Москве после итальянского солнца? Узкие плотные иглы упруго тыкались в ладонь: нет, мол, не холодно, нам даже нравится.

– Вчера тут неподалеку такую-ую шубку видела! – ни с того ни с сего сообщила вдруг Кэт. – Вот тут так, а потом сюда и сюда. – Обтянутые лайковыми перчатками узкие ладони показали «так» и «эдак». – С ума сойти, какая красота! Пойдем мерить? Ну, А-а-адичка, ну поехали, – почти жалобно, как выпрашивающий мороженое ребенок, протянула она.

– Ну, ты же знаешь мое отношение к шубам, – мягко возразила Аркадия.

– Тьфу на тебя! – Кэт энергично махнула ладошкой. – Так и будешь, как бомжиха, с одним-разъединственным несчастным манто сидеть?

Аркадия Васильевна представила себе бомжиху в собольем манто и расхохоталась:

– Буду, Катюш!

– Ну и пожалуйста! Ну и сиди! Вот наказали небеса подругой. – Вопреки сердитому голосу, глаза Кэт смеялись, сияя голубыми, как снег, искорками. – Ну и где это такси? – капризно фыркнула она.

Словно подслушав, из-за угла вырулила машина. Остановилась точно возле крылечка, гостеприимно распахнула дверцу, принимая Кэт в теплое, залитое желтым уютным светом нутро. Как по мановению. Да и почему «как»? С Кэт всегда так было: она еще и пальцами не щелкнет, а все уже прыгают.

Княжна и графиня в одном лице, никуда не денешься!

Мелкие снежинки остро взблескивали в жидком фонарном свете. Странно, подумала Аркадия Васильевна, провожая глазами габаритные огни увозящего Кэт такси, зимой из фонарей льется что-то голубовато-серебряное, а летом и осенью – янтарно-желтое. А небо – ночное небо – наоборот: летом сизое, немного в желтизну, а зимой – персиково-розовое. Забавно.

Поглядела еще немного, подумала – все так же ни о чем. Эх, вот стоять бы так и стоять, растворяться в кружеве снежных искорок.

Аркадия Васильевна вздохнула – легко, беспечально, никуда это снежное кружево не денется, а дело есть дело – и быстро зашагала к леденцово сияющему на соседнем перекрестке газетному киоску. Видел бы Вадик, как она шагает, неделю бы квохтал: разве можно, голубушка, так бегать, зимой надобно ходить медленно, аккуратненько, гололед – травматическая эпидемия, а в вашем возрасте кости хрупкие делаются, нельзя быть такой неосторожной. Зануда он все-таки. Правильный, методичный, заботливый зануда. Спору нет, осторожность нужна, падать да кости ломать – не подарок. Но чего тут падать-то? Тротуары – слава работающим таджикам! – чистые, почти сухие, только чуть-чуть припорошены снежной пылью. Сапожки удобные, каблучок два дюйма

всего, аккуратненький такой, стаканчиком, самый устойчивый. Это Кэт все со шпилек не слезает, а Аркадии и так хорошо.

После расслабляюще уютного ресторанного тепла легкий морозец – градусов десять, не больше – не кусался, а только бодрил. Освежал. Аркадия Васильевна любовалась своим отражением в темной витрине закрытого магазина тканей – легкая, стройная, концы модного длинного шарфа взмываются, как крылья, над дорогущим вигоневым пальто – и подмигнула сама себе.

Пальто она привезла из Колумбии, куда летала на закрытую – только для «своих» – «изумрудную» конференцию. Ее магазин, пусть и с мастерской, по размаху, конечно, не шел ни в какое сравнение с ювелирными гигантами, так что не бывать бы Аркадии Васильевне в числе «своих», если бы не Рудольф Михайлович, регулярно консультировавший парочку этих самых «гигантов» и по старой дружбе устроивший ей приглашение.

Ее заместитель (практически правая рука, чье умение решать финансово-экономические вопросы не уступало ее собственному маркетинговому – что «пойдет», что «не пойдет» – чутью) Эдуард Родионович с головой погрузился в деловую программу конференции: семинары, переговоры, совещания, объемы, скидки, сроки поставок. Аркадия Васильевна тем временем бродила по местным магазинам. В основном по ювелирным, конечно – мало ли какие идеи попадутся – на другой-то стороне земного шарика. Но и «обычные» лавки вниманием не обделяла.

Этот магазинчик попался ей совсем неподалеку от занятой под конференцию гостиницы. Магазинчик как магазинчик, услада жадных до экзотики невзыскательных туристов. Таких лавчонок «для приезжих» в любой точке мира, куда дотянулись щупальца разнообразных «бюро путешествий», десятки, если не сотни.

Но... Среди пестроты вышитых блуз, полосатых пончо, деревянных ожерелий, «самых настоящих» индейских амулетов с предательским Made in China на «изнанке» и прочей этники благородно сиял стенд с вигоневыми пальто. Шесть штук. Немного разного покроя и разных оттенков: от топленого молока до почти кофейного. Ценники выглядели, мягко говоря, шокирующе. За одно пальто можно было скупить, пожалуй, весь остальной здешний ассортимент.

Впрочем, оно того, безусловно, стоило. Довольно толстая ткань была настолько мягкой и нежной (как щечка младенца, подумала Аркадия Васильевна и недовольно фыркнула сама на себя за банальность сравнения), что словно примагничивала ладонь. Стоило едва коснуться теплой, словно живой, поверхности, и оторваться было уже невозможно: хотелось гладить ее и гладить. Лучший индийский кашемир, может, и не показался бы рядом с этим чудом дерюгой, но совершенно точно проигрывал в нежности.

В одном из читанных ею недавно детективов Дика Френсиса дед главного героя, пожилой миллионер, носил исключительно такие пальто. И все сразу видели – очень, очень богатый человек. А уж Дик-то Френсис, чуть не всю жизнь проведший в мире английских скачек, наверняка понимал, что пристало миллионерам.

Весь простенок возле стойки занимала огромная фотография: высокогорное пастбище с четырьмя пасущимися на нем альпаками.

Казалось: только шагни – и окажешься там, в прозрачном до хрустального звона воздухе, на неправдоподобно зеленой лужайке, огражденной вздымающимися ввысь серыми скальными зубьями, под тонкими пуховыми облачными прядями, прихотливо разбросанными по высокой синеве. Окажешься рядом с диковинными пуховыми «зверьями», совсем непохожими на своих «братьев» верблюдов, скорее уж на волшебный гибрид жирафа и пасторально-кучерявой овечки. Но больше всего они напоминали не жирафов и не овечек, а спустившиеся на лужайку облачка. Казалось, если посмотреть подольше, «облачка» переступят длинными, неожиданно тонкими ногами, повернут высокие стройные шеи, и можно будет заглянуть в громадные, очень темные, казавшиеся из-за этого почти бездонными глазища.

Смуглые продавщицы с такими же огромными глазами помогали выбирать пальто, ахали «bella, bella», но взгляды их вопреки веселому щебету казались печальными. Наверное, из-за того, что ни у одной из них никогда в жизни не будет такого пальто, думала Аркадия, оглядывая себя в зеркалах: вот это, цвета крепкого чая с молоком? или то, что посерее? или вон то, бледно-кофейное?

Одна из девушек на ломаном английском уверяла, что альпака не пачкается. Как потом выяснилось, говорила чистую правду: швырять одежду в грязь Аркадия Васильевна, конечно, не пробовала, но после первой для пальто московской зимы с приятным удивлением обнаружила, что в чистке оно, в общем-то, не

нуждается, чудеса, да и только. И еще почему-то все время повторяла «севен, севен» – семь, семь – и еще «шипс». Корабли? При чем тут корабли? В конце концов Аркадии удалось понять, что «у-уо» рядом с загадочной семеркой – это «вул», то есть шерсть, и, значит, речь не о кораблях, а об овцах: девушка заверяла, что альпака в семь раз теплее овечьей шерсти.

Действительно, даже под кондиционером в вигоневых пальто было жарко. Что там индийский кашемир! Коза – она и в Тибете коза, хотя и горная. Кашемировый палантин у Аркадии Васильевны был. Ну мягкий, ну нежный, такой, что в кольцо, как положено, проходит, ну приятный, ну, в общем, теплый. Но с этими «жирафо-верблюдиками» никакого же сравнения! Тем более что они такие очаровательные!

Еще бы девочкам не быть печальными – конечно, ни одна из них никогда такого пальто себе не купит. И не потому, что дорого. Жизнь большая, в ней всякое случается, и даже внезапное богатство. Но к чему в экваториальной Колумбии, где «около нуля» бывает только на тех самых высокогорных пастбищах, пальто из теплейшей «верблюжьей» шерсти?

Вот в северной, как ни крути, Москве – в самый раз.

Шуб Аркадия Васильевна действительно не любила. Это сколько же соболей, норок или куниц надо убить ради одной-единственной шубки? Да ясно, ясно, что пушное зверье нынче разводят в клетках, и никакой другой судьбы им не видать. Да и дикие, мех которых куда лучше, чем «клеточный»: и прочнее, и блеск ярче, и носится дольше, если на них не охотиться, расплодятся так, что начнут сами собой повальнодохнуть. Попросту от бескормицы. То есть охотники их в некотором смысле спасают от вымирания. И защитники прав животных вызывали у Аркадии разве что скептическую усмешку своим феерическим, как правило, невежеством. И уж тем более никогда ей не пришло бы в голову отказываться от отбивной из-за того, что, дескать, корову жалко. Но все же, все же, все же. Надеть на себя «красоту», ради которой расстались с жизнью два-три десятка живых существ, – это было как-то... неприятно. Глупость, конечно, или как минимум непоследовательность, но человек – существо сложное, а красивым женщинам капризы и даже некоторые глупости вполне к лицу.

Единственное ее соболье манто тоже было «к лицу». Но висело в гардеробе на случай «протокольных» мероприятий, на которых меха – хочешь не хочешь, нравится не нравится – обязательны. Высвобождая нежную шубку из

фирменного чехла, Аркадия Васильевна всегда вспоминала, как Юлия Борисова в фильме «Посол Советского Союза» «оперировала» кроличий полушубок, превращая его в «положенное по статусу» манто. И улыбалась насмешливо, как не умел, кажется, больше никто из актрис, и подмигивала своей помощнице: не мех, мол, придает важности персоне.

Светочка, Мишина жена, глядя на соболий мех, восторженно поскуливала с умильной тоской в глазах: «И не жалко вам, Аркадия Васильевна, такую красоту в шкафу держать?» И неизменно добавляла: «Я бы эту прелесть каждый день носила!» Может, намекала, что не отказалась бы от подарка, а может, просто болтала, не особо вдумываясь в то, что говорит. Привилегия молодости. Аркадия Васильевна только улыбалась типично юношеской самовлюбленности «невестки», убежденной, кажется, что все «прелести» и богатства этого мира существуют специально для ее, Светочкиного, удовольствия. И манто надевала только по «особым» случаям, когда и впрямь иначе нельзя. Как нельзя на вручение нобелевки явиться в шлепанцах.

«Настоящая» шуба у нее имелась только одна – сшитая на заказ доха из полярного волка, похожая на диковинную, очень лохматую дубленку, шерсть на «дубленке» была настолько длинная, что Аркадия иногда, развлекаясь, заплетала по отворотам капюшона и рукавов косички. Потому что волк против человека – это честно. Если волчьи стаи не прореживать, не отстреливать, так по зимней бескормнице и до беды недалеко. Историки пишут, что в России после отмены крепостного права, когда традиция помещичьих охот сошла почти на нет, волки расплодились так, что вырезали бывало целые деревни. Сегодня до такого, разумеется, не доходит, но все же без контроля волчьего поголовья не обойтись. Ну и, разумеется, егеря, занятые отстрелом, всегда рады продать добытые шкуры. Отлично выделанная, вышитая по мягкой замше тонкими кожаными шнурками, доха была очень мягкая, но настолько тяжелая, что Аркадия Васильевна, надевая ее, чувствовала себя не то средневековым рыцарем в кованых латах, не то Ермаком, покоряющим Сибирь, не то Шуриком из «Операции «Ы», когда он, в овчинном тулупе и расхлябанном треухе, подменял складскую сторожиху. Правда, у Аркадии Васильевны, вместо раздрыганной заячьей ушанки, был настоящий алтайский малахай, но, глядя на все это великолепие в зеркало, она насмешливо качала головой: ну точно – Шурик, только очочков да берданки не хватает. Ну, или не Шурик, а овечка в волчьей шкуре.

Впрочем, московская зима нечасто давала возможность надевать «волчью шкуру» – жарковато в ней было.

Она вдруг вспомнила, как в конце семидесятых годов, когда зима выдалась «как в сорок первом», а по утрам вдоль некоторых улиц можно было увидеть вереницы грузовых фур, под днищами кабин горели костерки – водители разогревали моторы, ей довелось однажды «зависнуть» в гостях где-то неподалеку от Пушкинской площади. И уже на ночь глядя срочно понадобился не то хлеб, не то кефир, а может, и что покрепче. Единственным «поздним» гастрономом был «Елисеевский». И вот, уже прижимая к груди сумку с продуктами, она пробежала мимо троллейбусной остановки, к хлипкой стенке которой прижался, пытаясь защититься хотя бы от ветра, худенький невысокий негр в тощем драповом пальтишке и смешной фуражке с отворотами. С другой стороны к остановке как раз подходил здоровенный краснорожий мужик в ушанке набекрень и желтом овчинном тулупе, распахнутом на мощной груди, – мужику было явно жарко. В морозном воздухе отчетливо, почти зримо повис аромат лука и свежего перегара. Мужик, по-собачьи наклоняя голову то вправо, то влево – шапкины уши смешно, как будто и впрямь он был гигантским, вставшим на дыбы псом, болтались над желтыми замшевыми плечами, – поразглядывал приникшего к остановке негра, тот был вдвое примерно мельче, и дружелюбно поинтересовался:

– Шо, змерз, Маугли?

– С-сам-м т-ты Т-таб-бак-ки! – на чистейшем русском языке парировал тот, заикаясь от холода, шагнул в подъехавший троллейбус и умчался вместе с ним в синеватую морозную мглу.

Мужик, оставшийся остолбенело стоять на остановке, крутил башкой и что-то недоуменное про себя хмыкал. А прошмыгнувшая мимо Аркадия долго еще хихикала над «сюрпризами большого города».

Возле сиявшего теплым желтым светом газетного киоска, к которому она сейчас подходила, тоже была остановка. Две женщины неопределенного возраста, ведь зимой таких большинство, одеваются-то все более-менее одинаково разнообразно, и не разберешь толком, молодая ли мамаша перед тобой или прабабка с внуком наперевес, ждали маршрутку. Одна сокрушенно мотала головой в сине-белой «финской» шапке с вязаным орнаментом и длинными ушами, плескавшись, как уши спаниеля или бассета, и жаловалась на рынок

недвижимости. Только, мол, собралась продать дачу, а цены встали как вкопанные. Ведь постоянно росли, а тут на тебе! Даже снижаются, ужас!

– Ну и погоди чуток, – дергала серебристым плечом пуховика вторая, – сейчас конец света пройдет, и рынок двинется. Осталось-то всего ничего. Может, до Нового года еще продать успеешь. А то сейчас все с этими майя как с ума сошли.

– Ты думаешь, это из-за майя? Ну глупость же. – Узорчатые шапочные уши перестали мотаться туда-сюда.

– Ну... глупость не глупость, а похоже на то. Звонит мне давеча Жека, ну эта, с пирсингом, чего, говорит, с Новым-то годом? А у меня сейчас как раз работы полный завал, так что времени нет – ну вот совсем. Ну давай, говорю, числа двадцать первого состыкуемся, решим, что, где, кого и так далее. Она прям в ужасе: как двадцать первого? Конец же света будет! Давай в другой день! Представляешь? Она ждет конца света и попутно готовится встречать Новый год, который, на минуточку, через десять дней после этого самого конца света. Ничего так?

– Ну... Жека... – «Финская шапка» пренебрежительно махнула сине-белой, с таким же, как на шапке, орнаментом, перчаткой.

– Думаешь, она одна такая? – пожала плечами ее спутница. – Народ, может, и не верит, но мыслишка какая-то бродит – а вдруг все-таки чего-нибудь? Вот и не лезут в крупные покупки. Не бойсь, пройдет эта фигня, и двинутся твои недвижимые цены, – завершила свои утешения женщина в серебристом пуховике, влезая за подругой в подошедшую маршрутку.

Какие милые, улыбнулась Аркадия Васильевна. Нет, господа журналисты, охотники за сенсациями, балаболы вы все и ничего не понимаете в жизни. А потому страстно, до сладкой дрожи и восторженно-пьяного сверкания глаз обожаєте всех пугать. Последнюю крупную волну всеобщей паники вы, делатели новостей, пытались поднять, кажется, на стыке веков: мол, две тысячи лет – предсказанный срок, грядет Страшный суд, так в Библии написано. Потом передрались из-за того, откуда считать эти самые «две тысячи лет» – от Рождества или от Вознесения. Громче всех, ясное дело, вопили сторонники первой версии – она сулила Страшный суд вот прямо чуть не завтра. Потом передрались и эти: летоисчисление, оказывается, неправильное, и Христос

родился не то на пять лет раньше, не то на шесть лет позже точки, обозначенной как «от Рождества Христова». Изрядно растерянные «провозвестники» расползлись по углам, прочей публике оставалось только посмеяться. Самым смешным, впрочем, тогда были не споры о том, когда родился Иисус, а яростная полемика вокруг «когда заканчивается двадцатый век и начинается двадцать первый». Причем большинство крикунов защищали в качестве начала нового века двухтысячный год: дескать, последний год двадцатого века – девяносто девятый, хоть лопните.

Аркадия Васильевна вспомнила, как готовились к встрече этого самого двухтысячного в ее салоне. Спор – вешать ли плакат «Здравствуй, XXI век!» – вспыхнул точно сам собой. Чуть до драки не дошло, фигурально выражаясь, конечно. Спорили до тех пор, пока один из охранников, угрюмый, никогда не улыбающийся Руслан, похожий одновременно и на Сильвестра Сталлоне, и на Клода Ван Дамма, и даже на Арнольда Шварценеггера, не вытащил на середину два ящика привезенного для новогодней вечеринки вина.

– Считай! – буркнул он самому рьяному спорщику.

Вино было какое-то привозное, ящики странные, в России таких вроде и не делают – узкие, длинненькие, два ряда по пять бутылок в каждом.

– Раз, два... десять. – Спорщик в растерянности взглянул на Руслана.

– Дальше считай, – скомандовал тот, подвигая второй ящик.

– Одиннадцать...

– Достаточно. С какой бутылки начинается второй ящик?

– С... с одиннадцатой.

– А если бы в ящик помещалось не десять бутылок, а сто – с какой бутылки начинался бы второй ящик? Можешь на пальцах посчитать: первая бутылка, вторая... ну?

– С... со сто первой...

– Всем понятно? – Руслан утащил ящики назад в служебную столовую – обеденную зону Аркадия Васильевна устроила сразу, с момента открытия салона – нельзя же, чтоб люди давились бутербродами по углам, а бегать обедать по окрестным кафе не каждого устроит.

Спор завял на корню. Она тогда так восхитилась этой эффектной демонстрацией, что потихоньку удвоила Руслану полагавшуюся к Новому году премию.

Руслан не работал в салоне уже лет шесть, с того Нового года прошло и вовсе вдвое больше, но Аркадия Васильевна все еще помнила эту смешную и очень показательную историю. Сколько ни запутывай людей, сколько ни пугай их, а простой житейский здравый смысл – вот как у Руслана или у тех милых женщин на остановке – пробьется сквозь любой туман. Ну а пока в людях жив здравый смысл – а он, судя по всему, все еще вполне здрав – все у нас будет в порядке. Какие бы страшилки ни валили на нас господа борзописцы. И если даже что-то сломается – починим. И будем жить дальше. Невзирая ни на какие катаклизмы. И нечего нас пугать.

Она купила свежую газету и поморщилась: как же, не пугайте – и тут грядущий конец света на первой полосе, что за наказание! Впрочем, газеты – ну то есть бумажные газеты – ей вообще не нравились, все-то казалось, что они мятые, как будто их уже сто человек лапали. И пахнут – фу. Вот книги почему-то пахнут вкусно, может, их как-то по-другому печатают?

Боже-боже, о чем я думаю, хмыкнула она, закинула за плечо своевольный шарф и решительно свернула в переулок: еще один поворот – и она дома.

Свой дом – это очень, очень важно. Быть может, это вообще самое важное.

Дом. Обновленный, но по-прежнему вздыхающий – от воспоминаний. Ему есть что вспомнить. Когда-то в его стенах бурлила жизнь, игрались свадьбы, смеялись дети. А сейчас на весь дом остались две старухи – она да Татьяна. Ну вот Михаил еще заезжает, но заезжать – это же совсем не то.

Аркадия Васильевна усмехнулась: экое кокетство – называть себя старухой, да про нее такого даже самые пристрастные завистницы сказать не могут. Бодро, весела и подвижна. Не то что Татьяна. Вроде и практически ровесницы, а у той и

ноги отекают, и одышка, и радикулит регулярно прихватывает. Ладно, хоть Михаил навещает мать достаточно часто. Может, еще и потому, что вырос здесь, сжился с этим домом, сроднился. Когда он приезжает, Аркадии кажется, что дом как будто улыбается, как будто дышать в нем легче становится, теплее как будто. Теплее – это, конечно, не про отопление. Просто очень приятно, когда чувствуешь неподалеку человека, который любит то же, что и ты. Этот дом, к примеру.

Вот жена Мишина, Светочка, так тут и не прижилась, настояла на покупке собственных апартаментов в огромном многоквартирном «муравейнике». Аркадия не спорила, холодно пожав плечами: отдельно так отдельно. Может, оно и к лучшему: вторая жена Михаила была ей не слишком симпатична.

Впрочем, первый его брак тоже не вызывал у нее восторга. Ну, в самом-то деле, что за капризы – жениться в восемнадцать лет? И ладно бы избранница была сногшибательной красоткой, вокруг которой штабеля отвергнутых поклонников валяются – хватай, пока другие не опередили. Или оказалась бы какой-нибудь умницей запредельной, юной обладательницей «Оскара» или победительницей «Евровидения». Или уж, на худой конец, внучкой президента. Лучше французского. Впрочем, про внучку президента – это, конечно, смешно. Как и все остальное. Почти все. Ведь действительно: если уж кидаешься жениться, едва вскочив со школьной скамьи – должны же у невесты быть какие-то невероятные достоинства? Иначе ради чего, плюнув на все соблазны, которые щедрой рукой рассыпает молодость, лезть вместо этого в семейное ярмо? Которое, при всех прелестях и приятностях жизни вдвоем, все-таки ярмо. Так ради чего?

Наташа не была ни Мисс Вселенной, ни даже первой красавицей класса: ну симпатичная, ну волосы роскошной русой волной, ну фигурка тоненькая. Но, в общем, ничего особенного. Не была она и внучкой президента, хоть какого-нибудь, хоть самого завалящего. Она даже не была умницей: аттестат средненький, ни в олимпиадах, ни в поэтических или, к примеру, спортивных турнирах не светилась. Собственно, у нее вообще не имелось никаких особенных талантов. Кажется, единственное, что эта девочка умела – это любить.

Мишу она любила, кажется, с первого класса и продолжала любить, верно и преданно, до самого выпускного. Но – издали и молча.

Ему всегда нравились девушки яркие, броские, лидеры и заводилы, вокруг которых создаются компании и клубится веселье. Ну а поскольку он и сам был

парень не их последних – симпатичный, юморной, на удивление воспитанный, даже галантный, джентльмен, в общем, – то и проблем с «закадрить» очередную кукольно-очаровательную красотку не возникало. Не то чтобы девушки вешались на него гроздьями, но романов в школе Михаил успел прокрутить немало. Правда, после недолгой романтической эйфории всегда оказывалось, что, кроме собственно любовного угара, ему, Михаилу, нужно еще что-то – ну хотя бы поговорить. Красотки же интересовались все больше модными брендами и нашумевшими голливудскими премьерками, а прогулкам в парке предпочитали размножающиеся, как грибы, ночные клубы. И Михаил начинал скучать. Это, впрочем, было вполне взаимно, так что очередной умопомрачительный роман, едва сверкнув, быстренько гас – едва ослабевало это самое помрачение ума. Весна идет, гормон играет, ехидно шутил Михаил и начинал высматривать следующую красотку.

И только на выпускном балу Наташа отважилась пригласить его на «белый» танец. На следующий «медляк» Михаил пригласил ее уже сам. И еще на один. И еще. Потом они сбежали. Выпускное веселье понемногу «поднимало градус». На столах было только шампанское, да и то немного, но кого и когда это останавливало? Сперва бегали «добавлять» к туалетам или хоть за коридорный угол, после и скрываться перестали, передавая очередную бутылку по кругу, как трубку мира. Курили уже в открытую, голоса становились все громче, шутки все непристойнее и тупее. А за порогом была целая Москва – ночная, просторная. Не пустая, конечно, полная усиленных полицейских патрулей и гуляющих выпускников, таких же, как они, но – чужих. То есть, в общем-то, пустая. Одна на двоих.

Провожая Наташу домой – над Москвой уже поднималось бледное, точно заспанное, солнышко, – Михаил уже был стопроцентно уверен: это – Она. Та, о которой он мечтал.

Как ни странно, Роман Века не помешал Михаилу поступить в автодорожный – это был давний выбор, машины он любил всегда. Так что, куда поступать, и вопроса не возникало. Только в МАДИ. Возле которого на «бревенчатом» постаменте стоит легендарная полуторка, ходившая по Дороге жизни и поднятая после войны со дна Ладожского озера. Не просто «как настоящая», а самая настоящая! В отличие от колеса под ногой стоящей неподалеку скульптуры «автостудента», которое, с точки зрения Михаила, выглядело непропорционально маленьким, словно от детского автомобильчика, ей-богу. Впрочем, он и на детском автомобильчике бы не посчитал зазорным

прокатиться. Лишь бы ездить, лишь бы крутить баранку. А уж проектировать машины – элегантные легковушки, неправдоподобно мощные грузовики, заковыристо-сложную спецтехнику – это ж и вовсе счастье! Или все-таки ездить лучше?

Жизнь показала, что для него лучше, приятнее – все-таки ездить. Но это было совсем потом. А пока он, с честью выдержав в промежутках между свиданиями с Наташей, которая с готовностью гоняла его «по билетам», все экзамены, отпраздновал зачисление недельными «каникулами» на подмосковной турбазе, порадовал домашних новеньким студенческим билетом и... сообщил, что женится.

Вот так вот, господа и дамы.

Сказать, что в доме после этого известия началась буря – это ничего не сказать. Как?! Молоко на губах не обсохло, а уже жениться? Давно ли еще в штаны писал? Мало ли, что уже восемнадцать! Какое там «уже» – «всего-то» восемнадцать! Сопляк! Да-да-да, и она такая же соплячка, какая может быть семья! Скандалы, слезы, ссоры, выяснения отношений – будь еще жив Шекспир, он наверняка создал бы из этого еще одну великую трагедию. Но трагедии хороши на сцене или хотя бы на телеэкране: поглядели, попереживали за героев, убедились, что зло, как всегда, наказано, а добро, как всегда, восторжествовало, вздохнули облегченно – и пошли пить чай. Если же «шекспировские страсти» разыгрываются прямо в собственном доме, жить становится... неудобно. Зло должно быть повержено, а добру полагается восторжествовать? Так поди еще разберись, где тут зло, а где добро. И единственное, чего начинает хотеться – не победы справедливости (для кого эта справедливость?), а чтобы поскорее все закончилось. Чтобы стало тихо, и можно было уже пойти спокойно выпить чаю.

Михаил был непреклонен – сейчас, и никаких гвоздей! – и свадьба все-таки состоялась. Молодым даже подарили вкладчину крошечную однокомнатную квартирку «на краю географии». Не из щедрости, а по принципу «с глаз долой – из сердца вон». Чтобы не глядеть ежедневно «на это безобразие», не переживать попусту. Ну, женились и женились, а мы и не глядим на них, мы лучше чаю поьем.

Нюра пыталась тогда Михаила защищать. Но где уж было ей – тихой, задумчивой, всегда погруженной в собственные размышления – противостоять

неукротимому валу материнской энергии. Сердце, как всегда, когда Аркадия Васильевна вспоминала дочь, остро кольнуло. Нюры нет давным-давно, а вина все грызет, все саднит – и прощения уже не попросишь. Разве что там, за порогом, где встречаются все.

Вот в самом-то деле – и чего она тогда так вскинулась? Уж точно не потому, что мечтала, чтобы Михаил женился на ее Нюре, чтобы Приваловы и Матвеевы породнились окончательно. Уж кто-кто, только не она. Его-то родители еще, может, и могли бы строить такие планы – дети подрастают, у тебя девочка, у меня мальчик, не разлей вода, чего ж и ждать в финале, как не свадебных колоколов? Но Аркадии-то такое и в голову, разумеется, прийти не могло.

Ну, так и что тогда она была так недовольна союзом Михаила и Наташи?

Сейчас Аркадия Васильевна уже удивлялась себе тогдашней и жалела, что так энергично восставала против той свадьбы. Если бы она тогда бодренько сказала что-нибудь вроде: подумаешь, какая беда – слишком молоды, это пройдет, повзрослеют, – сказала бы, и Мишенькины родители наверняка тоже не стали бы возражать. Ну поворчали бы немножко, и все. Но раз Аркадия была против – а ведь с чего, собственно? – то и они не унимались. Грызли, грызли молодую семью... и догрызли.

Михаил начал понемногу завидовать своим холостым приятелям – они-то гуляют напропалую, веселятся, с кем хотят. А у него – жена. Улыбчивая, покладистая, любящая. Готовая принять любое решение, любой каприз обожаемого мужа. И сегодня. И вчера. И завтра. И послезавтра. Да сколько ж можно жрать эту пресную кашу без соли! Ну и старшее поколение вздыхало сочувственно: когда ж и погулять, как не в молодости, а вместо этого приходится семейную лямку тащить...

В общем, Единственной На Всю Жизнь Любви хватило на три года. Может, если бы Наташа родила, старшее поколение утихомирилось бы, прекратило бессмысленную грызню – кто им, в самом-то деле, дал право судить, кому на ком жениться и когда. Но детей у них не случилось, вот и вышло то, что вышло. Молодые тихо развелись, и Миша вернулся домой.

Но он ведь, в сущности, по складу своему семейный мужчина. Погуляв после развода, понаслаждавшись вольной волюшкой, он насытился свободой довольно

быстро. Он же не из бобылей, ему женщина в доме нужна. Вполне можно было предположить – Аркадия Васильевна вздохнула, – что он опять женится. Он ведь даже Наташу вскоре – ну как вскоре, года через два, что ли, или через три – кинулся разыскивать. Но квартиру, которую Михаил оставил ей после развода, она поменяла, причем по какой-то сложной схеме, так что нынешние хозяева знать не знали, где искать предыдущую. Пропала Наташа.

Впрочем, вряд ли, думала Аркадия Васильевна, Михаил разыскивал «бывшую» из-за того, что считал, она – его Единственная и из-за какой-то там безумной любви. Скорее уж просто холостяковать надоело. Хотелось собственного дома, горящего в ночи окошка, пытящего на плите борща – ну да, и борща, ведь это же так здорово, когдаходишь к своей двери, а оттуда тянет теплыми, вкусными домашними запахами. А если мужик нацелен на создание семьи, если по-настоящему к этому стремится, жадно выискивая в толпе свою будущую супругу – то в конечном итоге он будет готов увидеть черты избранницы в ком угодно.

В ком попало.

Вот и попало.

Светочка к тому моменту работала в салоне «Аркадия Привалова» уже с полгода. Принимала ее Аркадия Васильевна с сомнением: приезжая, правда, из Подмосковья, не совсем уж из Тьмутаракани, комнату снимает, работала в ювелирной лавчонке в каких-то дальних курмышках, чуть не за МКАДом, а до этого, кажется, и вовсе на рынке бижутерией торговала. Нет, эта не задержится. Выглядит, конечно, прилично и за речью следить старается, но что-то в ней не то. Слишком яркая красота, слишком броская, почти вульгарная. Но, с другой стороны, разве это такой уж недостаток? Золото на фоне платины или серебра тоже нередко выглядит несколько вульгарным. О крупных камнях и говорить нечего. Как ювелир Аркадия Васильевна отлично знала: яркая красота бывает двух типов. Либо безупречная до полной бездушности ледяная Снежная Королева, либо брызжущая жизнью Мэрилин Монро. Яркая, сверкающая, неодолимо притягательная и – чуточку вульгарная. Собственно, потому и притягательная.

Как ни странно, в почти аристократической атмосфере салона «Аркадия Привалова» Светочка не просто задержалась, а – прижилась. И вообще всячески старалась «соответствовать». Она оказалась очень толковой ученицей.

Выбросила жвачку, безжалостно выкорчевала из речи «пригородные» словечки, сменила жуткие блестящие юбочки и топики на скромные платья, впрочем, с ее формами даже строгое «маленькое черное платье» выглядело чуть ли не соблазнительнее, чем самое откровенное бикини, и прекратила лить на себя парфюмерию литрами. Даже улыбаться стала как-то вроде бы по-другому, не столь беззастенчиво зазывно. Аркадии Васильевне, правда, казалось, что новые манеры Светочки несколько отдают Голливудом, но опять же, с другой стороны, а что такого? Голливуд – это «Оскар», «Оскар» – это красная ковровая дорожка, а красная ковровая дорожка – это драгоценности. Тургеневским девушкам место за книжным прилавком, а в ювелирном салоне и Голливуд вполне подойдет.

А уж как эта девица запоминала все, что хозяйка рассказывала во время своих регулярных лекций и мастер-классов – все бы так! Еще и записывала! И «легенда» любой вещицы в салоне у Светочки буквально от зубов отскакивала: какой мастер делал, откуда, в каком стиле, какие металлы и камни использовались, какие предания с камнями связаны, с чем, куда и когда это можно носить, как ухаживать – и так далее, и тому подобное. Образцовый продавец-консультант.

Михаил увидел «образцового продавца», когда подвозил Аркадию Васильевну на работу, и зачем-то она попросила его подождать.

Увидел – и прикипел.

Ну, что и говорить, Светочка производила впечатление на всех посетителей мужского пола. Простовата, конечно, но все мы тут, в конце-то концов, не графья и даже не нобелевские лауреаты. Михаил, по сути, несмотря на высшее образование, просто шофер и автомеханик. Ну, так и почему бы нет?

В общем, если по большому счету, то никаких оснований для недовольства Светочкой у Аркадии Васильевны не было. То есть совсем никаких. И мила, и дружелюбна, и по работе к ней никаких претензий, как продавец-консультант она прекрасно вписалась в атмосферу ювелирного салона «Аркадия Привалова» и, выйдя замуж за человека, хозяйке весьма близкого, работала по-прежнему, поблажек для себя не только не просила, а и не ожидала. Безупречна, в общем. Но... Как будто стенка между ними какая-то. Абсолютно, до полной невидимости прозрачная и звуки пропускает – вроде бы и нет никакой стенки. Но Аркадия Васильевна чувствовала ее постоянно. Бог знает, что там эта «стенка» перекрывает – запахи, мысли, флюиды какие-нибудь – но каждый разговор со

Светочкой казался тщательно упакованным в хрустящий целлофан: вроде и видно все до мельчайших деталей, и слышно, а не прикоснуться. С Михаилом вот все совсем по-другому. Родной человек. Свой. Чуть ли не более родной, чем даже Татьяна. Хорошо, конечно, что наезжает он часто, да и в магазине постоянно бывает, но все равно жаль, что живет отдельно.

Да и внук Балька, поглядев на «великое переселение народов», как он назвал переезд Михаила с молодой женой, вдруг заявил, что ему надоело жить под вечным присмотром. Он, дескать, свободная самодостаточная личность, взрослый, в конце-то концов, человек, не нуждающийся ни в чьей опеке. Дом прекрасен – хотя бы воспоминаниями о проведенных здесь детстве и юности – но птенцы, подрастая, должны покидать теплое гнездо, это же естественный ход вещей. Аркадия тогда, смешно сказать, даже обрадовалась этой жажде самостоятельности: действительно, мальчику пора становиться мужчиной, пора учиться строить собственную жизнь и отвечать за нее, чтобы потом сумел отвечать и за других. Она, при всей своей бодрости, не вечна, так что именно ему, Бальке, быть главой семьи. Впрочем, про «главу семьи» Аркадия Васильевна тогда говорить не стала, но квартиру внуку купила. Небольшую, однокомнатную – в Строгино. Не самый престижный район, и вообще не ближний свет, но места там хорошие: светло, просторно. Лети, птенец, в вольную взрослую жизнь!

Вот только «птенец», хлебнув воли, как будто захмелел, и, вместо ответственности, Аркадия Васильевна с досадой, а то и некоторым страхом видела растущую разболтанность. Как неумелый водитель крутит руль «во все стороны», так и Балька хватался за что попало – все больше за развлечения. Довольно невинные пока что, но ведь лиха беда начало. Как такому семейное дело-то передавать? Ведь стоит ему остаться одному – тут же набегут-налетят-наползут хищники и хищницы, окружат-заморочат-облапошат, обведут вокруг пальца, как лиса Алиса и кот Базилио облапошили наивного доверчивого Буратино. Не хватало еще, чтобы после всех усилий, уловок, хитростей, а то и унижений, все, что она – опираясь на выстроенный предками фундамент – складывала по камешку, по кирпичику, что возводила так бережно, так старательно, чтобы все это в одночасье разлетелось клочьями, рассыпалось в прах и пыль, пропало в никуда и в нигде. Ну уж нет. Этому не бывать. Она не допустит. Она пока еще жива. Хотя... сколько ей еще осталось? Она ведь не молодеет. Ох, не молодеет, часы уже восьмой десяток начали отсчитывать.

Когда отгремели торжества по поводу ее семидесятилетия, когда были произнесены все поздравления, вручены все подарки, отзвенели все тосты и особнячок, ласково помигав окнами вслед разъезжающимся гостям, притих, она увела внука в кабинет и усадила напротив:

– Мальчик мой, ты живешь отдельно уже не первый год. Тебе скоро стукнет четверть века. Взрослый, в общем. Вроде бы взрослый. А на деле? Попойки с друзьями, пустоголовые девицы, игрушки компьютерные... Положи телефон! – скомандовала она, не скрывая раздражения. – Не наигрался еще? Не пора ли уже задуматься о чем-то более серьезном, чем вся эта, – она замаялась на мгновение, подбирая слово поточнее, но чтоб не обидеть, – елочная мишура?

– Бабуль, ты чего? – искренне удивился Балька. – Я ж не бездельник, как некоторые. У меня аспирантура, и, кстати, я там, мягко говоря, не в худших рядах. Вот закончу – чуть-чуть ведь осталось – диссер защищу, а там уж... Ну, после то есть...

– Диссер! – Аркадия Васильевна хмыкнула почти презрительно. – Даже в этом никакой серьезности. Про остальное и говорить-то неприятно. После, надо же! Ладно, не обижайся, я не об этом. В аспирантуре ты молодец, диссертация и степень – тоже отлично. Не повредит во всяком случае. Но вся эта... тусовка... Болото ведь. А из болота чем дальше увязнешь, тем тяжелее выбираться. Ты интересный неглупый молодой мужчина, а общаешься сплошь с пустышками, это еще мягко говоря. Не задумывался о том, что где-то есть нормальные девушки? Причем «где-то» – не на другой стороне земного шара, а, в общем, неподалеку, достаточно только выскочить из всей этой развлекательной мишуры. И где-то среди них – та, с которой ты сможешь прожить всю жизнь. Семья – это ведь не только родительский дом, собственную семью каждый и строит собственноручно. Не пора ли хоть кирпичики для этого строительства начать выбирать?

– Бабуль, да какая еще семья? – Балька, хвативший во время празднества не только шампанского, но, кажется, и коньячку, поначалу был весел и безмятежен, как щенок на лужайке: кузнечики стрекочут, стрекозы прямо на нос садятся, солнечные зайчики пляшут. А тут вдруг на тебе, изволь добычу вынюхивать или дом сторожить, или даже упряжку тащить. В блестящих карих глазах заплескалось недоумение. – Небось, когда дядя Михаил сразу после школы решил жениться, вы тут такой вой подняли, словно он папу римского убить намеревался. Думаешь, я не в курсе? А со мной, значит, все наоборот? Давай-

давай, быстренько подставляй шею и делай постное лицо, пора-пора-пора. Подумаешь, четверть века! Много, что ли? Вполне можно и погулять еще. Чего ты меня, молодого веселого мальчонку, – он смешно вытаращил глаза, – в семейный хомут пихаешь?

– Молодого мальчонку?! Погулять? – Аркадия Васильевна шлепнула ладонью по подлокотнику пухлого кожаного кресла – не то изумленно, не то возмущенно, не то обреченно-безысходно. – Четверть века ему не возраст! Ты до пятидесяти, что ли, в веселых мальчонках бегать собираешься? Все бы тебе игрушечные машинки коллекционировать, по клубам пропадать да в компьютере стрелять. Раньше люди в твои годы уже дело собственное построить успевали и кучу детишек вдобавок нарожать.

– Опять на деда намекаешь? – Балька явно собрался обидеться. – Только я – не он! Раньше, подумаешь! Знаем мы эти ваши «прежние времена», в школе учили: чуть ли не в пятнадцать лет женили и замуж выдавали, да еще и не спрашивали, нравится – не нравится, всем по фигу, сказано – под венец, иди под венец с кем велено. Тебе вот это нравится? Ты мне и невесту уже небось подобрала? С самой лучшей родословной, да? Как в племенном хозяйстве – чтоб потомство было наилучшее, да? Ну хоть познакомь, что ли! А то, знаешь, как-то меня не восхищает перспектива знакомиться с собственной невестой уже в ЗАГСе!

Балька сердито дернул плечом, моментально став похожим на встрепанного двенадцатилетнего пацана.

Какой же он, в сущности, еще мальчишка! Аркадия Васильевна растроганно улыбнулась и потрепала внука по взъерошенным вихрам.

Невесту ему она тогда и впрямь начала уже присматривать, благо круг знакомых был весьма широк, так что дочек, внушек и племянниц в этом кругу подрастало множество – хорошенькие и не очень, умницы-разумницы и простоватые, не в родителей, фефелы, хулиганистые непредсказуемые сорванцы и романтические красотки – только выбирай.

Впрочем, больше она этот разговор не возобновляла. Отчасти смутившись пронизательностью внука – все-таки Балька у нее очень, очень неглупый мальчик. Отчасти потому, что он был прав, припомнив историю вокруг первой женитьбы Михаила. Экий ведь поросенок сообразительный! Отчасти опасаясь с

«поросенком» рассориться – вот уж лишнее, право слово. Да и жаль мальчишку строжить: без родителей остался рано, она у него одна. Но главное – Аркадия Васильевна отодвинула тему в дальний угол, рассчитывая на то, что брошенное зерно начнет прорасти. Мысль в вихрастую голову внука уже попала, а Балька совсем не такой поверхностный, как иногда кажется.

Да и не стоит, в самом-то деле, такие серьезные вещи решать, что называется, «в лоб». Аркадия и у влюбленных в нее мужчин никогда ничего не просила. О нет! Просить – это так грубо и, честно говоря, неумно. Зато всегда можно создать ситуацию, которая подтолкнет «объект» к нужным эмоциям, а затем и к поступкам. Если это удавалось с поклонниками, почему эта стратегия не должна сработать с Балькой – хоть и очень неглупым, но зато очень молодым, достаточно неопытным и потому неискушенным в высоком искусстве интриги мальчишкой? Кто сказал, что интрига – это непременно дурно? Главное – все придумать и продумать, чтобы все двигалось в правильном направлении.

Разумеется, она придумала.

И, что бы там ни говорила несколько шокированная Кэт, придумала очень даже неплохо.

Нет, в самом деле. Потому что очень хочется, чтобы осиротевший, опустевший дом вновь зазвенел голосами, смехом, разговорами. Жизнью.

Не так, как сейчас, когда в доме, над ведущей к крыльцу мощеной дорожкой светится единственное окошко на втором этаже. Впрочем, подумала она, доставая ключи, единственное живое окошко – это лучше, чем вовсе ни одного. Намного лучше.

Вешая пальто на плечики, Аркадия Васильевна на мгновение прижалась щекой к пушистой, еще пахнувшей снегом ткани. Даже глаза прикрыла от удовольствия.

Та конференция оказалась удачной и в деловом смысле. Даже более чем удачной. Конечно, крупные изумруды им «ни туды, ни в Красную гвардию», как говаривал Эдуард Родионович. Но мелочь отдавали по ценам совершенно смешным, на вес, россыпью, как кое-где опалы и сердолики продают. Ну или гранаты, скажем. Не любые, конечно. Не «уральский изумруд», уваровит (вероятно, именно эти гранаты украшали роковой купринский браслет), и не

зеленый же демантоид, что «играет» сильнее бриллианта, но и встречается исчезающе редко, так что и цены на него заоблачные. Нет, «обычные» гранаты – красные альмандины да пиропы. Именно они, кстати, идеально «совпали» с колумбийской изумрудной мелочью. Аркадия Васильевна со своими мастерами месяца два после той конференции возились с камнями, как привороженные, и оторваться от придумывания не могли: и так хорошо выходило, и эдак, и еще вот эдак. В золоте красно-зеленые россыпи приобретали почти варварскую пышность, серебро смягчало и привносило в украшения аристократическую элегантность. В итоге запустили две серии: кольца, серьги, браслеты, ожерелья. Разлетались украшения – ну как пресловутые горячие пирожки, ей-богу. А еще говорят, что ювелирка – неходовой товар, смеялась Аркадия Васильевна. И вспоминала, что именно об этом писал в своем дневнике дед. На самом деле он приходился ей прапрадедом, но ей нравилось говорить «дед», это словно бы приближало тогдашнего Аркадия Привалова к ней, ставшей в итоге наследницей и продолжательницей семейного дела. По словам деда, невелика хитрость «Кохинором» воображение поразить, а вот из обычных, недорогих материалов красоту создать – вот где художник скажется.

Собственно, коричневую тетрадь – толстую, здоровенную, скорее альбом, а не тетрадь – можно было назвать дневником с большой натяжкой. Вот твердая рука Аркадия Привалова – многочисленные рабочие заметки: расчеты, замыслы, рисунки и схемы. Вот сухой, далеко не полный перечень семейных событий: даты рождений и крестин, отъезды-приезды, свадьбы и похороны родных и знакомых – в основном меленьким витиеватым прапрабабкиным почерком. Дальше шел колючий, угловатый почерк бабки, тоже Аркадии, два-три раза прерванный ее собственными, Аркадии Васильевны, которую тогда называли Адичкой и – ужас, ужас – Арой, детскими каракулями: про «наша кошка родила вчера котят, котята выросли немножко, а пить из блюдца не хотят», про почетную грамоту «За отличные успехи в учебе» (первый класс!), про высаженную собственноручно грядку маргариток...

Какой уж там дневник – скорее летопись. Но все по привычке называли ее дневником. Или просто – тетрадь. Даже – Тетрадь, выделяя интонацией заглавную букву. Аркадии Васильевне казалось, что, когда она раскрывает «дневник», плотные желтоватые страницы становятся если не окошком в те дальние времена, то как минимум – киноэкраном, на котором со всеми подробностями разворачивается живая история семьи. В малолетстве – она хорошо это помнила – ей нередко приходилось слышать, как спор о времени или обстоятельствах какого-нибудь семейного события завершался неопровержимым аргументом: «Посмотри в тетради», – как обращение к истине

в последней инстанции.

После визита в газетный киоск давешний азарт несколько схлынул. Может, Кэт права в своем скепсисе? Может, это никакая не мудрость, а дурость старческая уже играет? Или, может, все-таки отложить задуманное – ну, до февраля, к примеру? Впрочем, отложить – не отложить, а начать все равно можно уже сейчас... Медлить нельзя. Она чувствовала, что время пришло. Нет, дело было не в здоровье, а скорее в каком-то не до конца осознанном чувстве, которое передалось ей через поколения – прямиком от деда...

Глава 2

Ювелирная работа

Если сомневаешься в человеке, не веди с ним дела, а если ведешь – не сомневайся.

Китайская пословица

Солнце, который день висевшее на пронзительно холодном небе сверкающей, вполне апокалиптической ледяной каплей, вдруг словно бы опомнилось: ой, что это я, мне же вроде тепло излучать полагается, а не космический мороз. Нежданная оттепель прошлась по московским крышам влажными лапами, развесила по карнизам гроздь сверкающих сосуллек – грозу пешеходов, головную боль коммунальных служб и намек на то, что весна все-таки будет. Пусть не завтра, но уж точно не через сто лет. Раскаленный холодами добела, до стеклянного хруста, воздух шевельнулся, сдвинулся, ожил, и в нем даже вроде бы и впрямь пахнуло весной.

«Похоже, конец света откладывается, – весело подумала Аркадия Васильевна, вспоминая давешних женщин на остановке. – Вот и славно, вот и повеселимся».

Она вытащила из кармана телефон, привычно поругивая себя за то, что никак не приучится носить его в сумочке, потыкала в виртуальные кнопки.

- Привет, ба! – хрипло отозвался Балька. Неужели простыл? Хотя скорее...

- Да ты никак спишь еще? – Она подпустила в голос строгости. – День на дворе, а ты дрыхнешь, ай-яй-яй. – Вообще-то часы показывали половину одиннадцатого, что скорее следовало считать утром, пусть и довольно поздним. Но что это он, в самом-то деле, до полудня, что ли, валяется? Совсем распустился, паршивец!

- Монографию готовил, у меня ж предзащита скоро, – довольно невнятно пробурчал «паршивец».

- Монографию, значит? И как ее зовут? – съехидничала Аркадия.

- Ну, ба-а, – недовольно протянул он. – Я правда всю ночь в архивах копался, ладно, хоть не в бумажных. Как люди в докомпьютерную эру ухитрялись с документами работать, это ж свихнуться можно. А ты что, решила моим моральным обликом заняться, что ли? Будешь каждую девушку, с которой я, – в трубке хмыкнули, – провожу время, проверять – достойна ли? Тебе их как для проверки представлять, списком или поштучно?

Она рассмеялась:

- Да нет, всех не надо. Ни поштучно, ни тем более списком. На что мне твои девицы? Лучше скажи, ты еще не готов представить мне свою будущую жену?

Балька в трубке аж застонал:

- Бабуль, ты опять, что ли? И, главное, какое прекрасное ты для этого выбрала время.

- Опять – что? – довольно сухо отрезала Аркадия Васильевна. – А что касается времени, то у меня на то есть свои причины. Ты давай прекращай огрызаться, вот еще взял моду. Вообще-то я задала простой вопрос, на который хотела бы получить простой ответ: да или нет. Ну, или, если ты будешь совсем добр к своей старой бабке, с минимальными уточнениями: например, знакомить не готов, но процесс идет.

Балька расхохотался:

– Нет, бабуль. И не готов, и, честно говоря, даже процесс не идет. Какие-то они все... одинаковые, что ли... Неинтересно, в общем.

– Понятно, – уже мягче сказала она. – В таком случае жду тебя сегодня часам к восьми.

– Что?! – завопил внук с такой внезапной энергией, точно его собирались немедленно съесть, причем заживо. – Ты никак меня сватать собралась? Ну ба-а, не начинай, а?

– Свадают, к твоему сведению, девушек. – Она старалась говорить поостроже, но получалось плохо, смех ее не просто разбирал, он рвался наружу совершенно неудержимо. – Но ты можешь приезжать совершенно спокойно, я гарантирую тебе полную безопасность, моральную и физическую. От потенциальных невест, во всяком случае.

– Уф. – Облегченный выдох прозвучал в трубке так шумно, словно с той стороны находился средних размеров кит, а не ее собственный внук, вполне спортивный молодой человек, отродясь не страдавший никакими одышками. – Бабуль, ты больше меня так не пугай.

– Постараюсь, – пообещала она, улыбаясь все сильнее. – Ты приезжай, договорились?

– Угу, – буркнули в трубке. – Эй, бабуль, а чо такое? Случилось что-то? Ты как вообще?

Ну, слава богу, сообразил, что не грех здоровьем собеседника поинтересоваться, особенно если собеседнику за семьдесят. Нет, не такой уж Балька легкомысленный, как кажется. Просто заносит его по молодости, но это мы поправим.

Аркадия Васильевна продолжала улыбаться – настроение, и без того вполне бодрое, улучшалось стремительно.

– Я в полном порядке, – отрапортовала она в теплое телефонное нутро. – И вообще, и в частности. Разговор есть. Точнее, дело. Приезжай, короче говоря. – И отключилась.

Разговор с Михаилом вышел куда короче: да-да, нет-нет, пост сдал – пост принял, понял, буду к восьми.

В начале седьмого Аркадия Васильевна вдруг поняла, что страшно волнуется. Просто ужас какой-то. Хуже, чем перед экзаменами, честное слово! В животе холодно, коленки дрожат, руки ледяные, словно в снежки без варежек играла.

Нет, господа, так дело не пойдет, прикрикнула она сама на себя. И вовсе не потому, что важные разговоры надо начинать с холодной головой, а не с дрожащими и ледяными от волнения руками. Но такие вот бессмысленные адреналиновые атаки совсем не полезны для сердца, которое у нее мало того что одно, так ведь уже и не юное. Раз атака, два атака, а потом возьмет и взорвется, как бомба. Впрочем, как известно, на любую бомбу есть свой саперный прием. На адреналиновую – спортзал. Зря, что ли, она его обустроивала? Хоть маленький, зато свой, и ходить никуда не надо.

Позанимавшись минут сорок: немного разминки, немного йоги, немного беговой дорожки – все, как учил тренер, главное – аккуратно разогреть себя до пота – и постояв под пробивающими чуть не до костей струями циркулярного душа, Аркадия почувствовала себя в порядке. Да что там в порядке – хоть на тигра с голыми руками идти, и бровь не дрогнет, не то что коленки.

Оба – и Михаил, и даже, что удивительно, Балька – явились минута в минуту, практически столкнувшись у дверей. Точнее, на выложенной фигурными плитками тропинке. Аркадия Васильевна из окна кабинета глядела, как они подходят к крыльцу – такие разные, но чем-то неуловимо схожие – и сочла «одновременность» хорошей приметой. Все получится. У нее всегда все получалось.

Пока раздевались, пока устраивались – Аркадия Васильевна предупредила, что разговор предстоит серьезный – Балька суетился, с типично юношеской нетерпеливостью пытаясь «бежать впереди паровоза»:

– Ба, чего случилось-то?

– Не гони коней, – улыбалась она, – сейчас все поймешь. Оба поймете.

Михаил молчал, но и на его лице явственно сквозило недоумение: дела семейные, а я-то тут при чем?

За окном, за тонкой кружевной занавеской и хрустальной плоскостью стекла, висели синие зимние сумерки. Собственно, это был уже настоящий вечер, рассыпавший по черному небу пригоршни голубовато сверкающих звезд. Но ей подумалось именно так – синие зимние сумерки. Так было... уютнее, что ли? Толстый чайник исходил густым вкусным паром, в чашках рубиново светился чай. Настоящий домашний вечер. Теплый, добрый, семейный. Общий.

– Как вы помните, Петр Привалов, с которого, по сути, началась наша фамилия, был человеком более чем незаурядным и настоящим ювелиром. Он чувствовал камни, как никто другой, и именно он вот на этом самом месте основал ювелирный дом Приваловых, – начала Аркадия Васильевна.

– Когда это было? Почти сто лет назад, верно? – уточнил Балька. – Помним, как же. Кстати, бабуль, а фотографий от деда – ну или сколько там пра – фотографий не осталось?

Усмехнувшись, Аркадия Васильевна потянулась к полке за своей спиной и не глядя вытащила альбом. Старинный, солидный, в потертых, когда-то изумрудно-зеленых, а теперь светло-бирюзовых бархатных крышках. Протянула внуку:

– Любуйся. Ты забыл, что ли? Маленьким-то часто рассматривал.

– Точно! – охнул Балька. – Ух ты! – не переставал восклицать он, переворачивая плотные, почти картонные страницы. – Эх, если бы еще не только дедовские и семейные, а – магазинов, мастерских... А? Ты представляешь, какая это будет реклама? Фурор будет! Сегодня же все как с ума сошли по всякой там исторической традиции. Открывают рестораны – так непременно чтоб «по рецептам моего прадеда, знаменитого дореволюционного ресторатора Фердипюпкина». Даже если никакого прадеда-ресторатора вовсе никогда не существовало. Ну и всякое такое. И знаешь, при прочих равных выходит очень эффективным плюсом. – Он даже пальцами прищелкнул для убедительности. –

Ну вот то есть если два более-менее равнокачественных ресторана, а у одного есть в описании этот самый дореволюционный Фердипюпкин – пойдут к Фердипюпкину. Черт знает почему, но это работает. Модный тренд. Вот все и сочиняют себе прадедов. А у нас-то не какой-нибудь Фердипюпкин, у нас-то самый настоящий дореволюционный ювелир! Можно такую кампанию забабахать, фурор будет, народ в очереди выстраиваться начнет... Больше одного ожерелья в одни руки не отпускать! А вы куда лезете, вас тут не стояло! – вдруг смешно прогнусавил Балька, копируя классическую реплику «из очереди». – Это ж почти Фаберже, ты что! Даже если просто витрина со сменяемой экспозицией... Или несколько витрин... Или...

Балька, сощурившись, уставился на что-то, видимое только ему.

С ним бывало.

Может, вовсе он и не такой уж легкомысленный и инфантильный, неожиданно подумала Аркадия Васильевна. И юрфак прекрасно закончил, чему она очень радовалась: собственный юрист любой фирме пригодится, тем более в таком специфическом деле, как ювелирное. Ну да, она рассчитывала, что Балька станет у нее в салоне... ну, например, начальником юридического отдела. Даже если весь отдел будет из него одного состоять. Ведь умненький мальчик-то, и аспирантура вон, и диссертацию готовит. Ну, или говорит, что готовит. Она вздохнула тихонько. Вся эта юриспруденция для него словно бы не всерьез, будто в игрушки играет. По поверхности скользит. А углубляется, только когда речь о каких-нибудь рекламных штуках заходит. Хлебом не корми, в ночные клубы не пускай – дай «Ночь пожирателей рекламы» посмотреть. Имена Котлера[1 - Филип Котлер (р. 1931) – американский экономист и философ, первым в мире собравший воедино и систематизировавший все, что относится к маркетингу. Фактически создатель маркетинга как специальности.] и Огилви[2 - Дэвид Огилви (1911-1999) – сформулировал и разработал на практике основные тенденции рекламной индустрии, внедрил в рекламу научный подход (некоторое время был директором Института исследований аудитории, работал вместе с Гэллапом), создал множество обучающих программ для молодых специалистов. Автор знаменитых «огилвизмов» («Вы не можете принудить людей покупать ваш товар, вы можете лишь заинтересовать их в покупке»). Считается «отцом рекламы». Командор Ордена Британской империи.] с придыханием и священным трепетом произносит. Маркетинг! Технологии привлекательности! Фердипюпкина какого-то сочинил вдруг. С ума сойти.

Нет, она не возражала, конечно, даже должность ему при салоне «Аркадия Привалова» придумала – заместитель по PR. Но ей, воспитанной в советских традициях, всякие такие штуки казались... ну не глупостью, но... пустяками, в общем чем-то вроде мыльных пузырей. Вроде и блестят, и переливаются, а на деле – пшик. Ведь жалко же на такое время тратить, правда? Красота есть красота, чего тут привлекать, чего рекламировать, какие такие паблик рилейшен и кампании по продвижению? И так ясно: вот это – красота, а вон то – не очень. Салон у нее в самом центре – это да, это правильно, как иначе. Но чего ж еще?

Но в то же время... Что-то такое в этих Балькиных «технологиях привлечения» было, ох, было. И способности к этому делу у него явно есть, одобрительно подумала Аркадия Васильевна. Вон какую витрину – голографическую! – для салона придумал. Чтоб ювелирные гарнитуры «живьем» показывать. Ей самой, привыкшей к скучной советской «ящичной» выкладке, такое в голову бы никогда не пришло. Слева от входа (Балька почему-то очень настаивал на «слева», вроде бы как в движении человеческих глаз есть какие-то там закономерности) теперь стоит эдакая стеклянная колонна. Просто стеклянный столб, внутри пустой. И «кнопочки» на панели управления. Если кнопки понажимать, в стеклянной пустоте возникают – нет, не фотографии, а как будто самые настоящие девушки-модели. Некоторые в рост, но в основном – плечи и голова, как цветок на стройном стебле. Ну и рука еще шаловливо губ касается, демонстрируя браслеты и кольца. Гарнитуры ювелирные всегда же на бархатном планшете выставляли, да? А тут – «живые» девушки. В диадемах, ожерельях, серьгах, кольцах и так далее – в зависимости от того, какой гарнитур демонстрируется.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Филип Котлер (р. 1931) – американский экономист и философ, первым в мире собравший воедино и систематизировавший все, что относится к маркетингу. Фактически создатель маркетинга как специальности.

2

Дэвид Огилви (1911–1999) – сформулировал и разработал на практике основные тенденции рекламной индустрии, внедрил в рекламу научный подход (некоторое время был директором Института исследований аудитории, работал вместе с Гэллапом), создал множество обучающих программ для молодых специалистов. Автор знаменитых «огилвизмов» («Вы не можете принудить людей покупать ваш товар, вы можете лишь заинтересовать их в покупке»). Считается «отцом рекламы». Командор Ордена Британской империи.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/famil-nye-cennosti-ili-vozvratu-ne-podlezhit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)